ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 21 (2404) Суббота, 13 марта 1948 г. Цена 40 коп.

Могущество социализма

10 марта Большой Кремлевский дворец наполнился сотнями народных избранников — началась вторая сессия Верховного Совета РСФСР.

Государственный бюджет РСФСР на 1948 год,—рассматриваемый в эти дни,—сделал легко обозримыми гигантские трудовые успехи советского народа.

Немного больше двух лет прошло с тех пор, как кончилась война, принесшая нам неисчислимые потери. Вся могучая жизненная сила нашего строя сказалась в том, как за 1.000 дней поднялись к жизни опаленные вражеским нашествием советские города и села. От Берлина, от Вены вернулись в родные края люди, гордые своей трудной и тем более славной и дорогой победой. Как недавно это было! И вот — восстановлены сотни заводов и фабрик, МТС и колхозных ферм, железнодорожных станций, школ, больниц, институтов, театров. 885.000 жилых домов, отстроенных среди пожарищ, приняли своих хозяев: более 4 миллионов погорельцев войны снова имеют домашний очаг и кров над головой.

Два года послевоенного восстановления и развития народного хозяйства Российской Федерации — ведущей республики Советского Союза, как в зеркале, отражены в Государственном бюджете, обсуждаемом депутатами в Большом Кремлевском дворце.

Под руководством партии Ленина—Сталина, зная свой путь в истории человечества, — путь, освещенный научным марксистско-ленинским мировоззрением,—славный русский народ, в братской дружбе с другими народами Советского Союза, трудится над осуществлением послевоенной сталинской пятилетки с такой энергией, с таким творческим воодушевлением, какие рождают полную уверенность в выполнении плана в четыре года.

1948 год — третий, решающий год пятилетки — войдет в историю борьбы за коммунизм, как год огромных народнохозяйственных задач. Бюджет РСФСР в нынешнем году почти вдвое превышает бюджет довоенного, 1940 года и составляет по доходам 49.420 млн. рублей, по расходам — 49.182 млн. рублей.

Значительно возрастает в этом году об'ем капитального строительства. Большие ассигнования обеспечивают новый под'ем сельского хозяйства, особенный упор сделан, в частности, на усиление агрономической и ветеринарной сети.

Сталинская забота о человеке, социалистический гуманизм нашего государства сказываются и в строгих на вид и радостных по смыслу колонках цифр, означающих расходы республики на народное образование, здравоохранение, науку, социальное страхование и обеспечение.

Российская Федерация увеличивает на 2 миллиарда 794 миллиона рублей в сравнении с прошлым годом статьи своих расходов на культурно-социальные мероприятия. Благосостояние советского человека растет ежедневно, ощутимо, доступно простому житейскому измерению, и радостно видеть перспективы этого поступательного хода жизни в колонках цифр Государственного бюджета.

На чем же основана эта финансовая мощь социализма?

Она основана на безупречной верности государственному плану каждого предприятия, колхоза, совхоза. Она основана на трудовой дисциплине каждого производственного коллектива. Она основана на сознательной дисциплине каждого советского труженика.

Даже чуждые марксизму деятели мировой культуры тревожно ощущали и ощущают трагический беспорядок жизни, свойственный капиталистической системе волчьей конкуренции, хищнической наживы. Сильные слова нашел некогда Герберт Уэллс в своей книге «Будущее Америки». Сегодня они в еще большей мере, чем прежде, характеризуют державу Морганов и Дюпонов:

«Недисциплинированность — вот верное слово!.. Недисциплинированность! Безобразие и вонь скотного двора есть по существу лишь шаржированный символ этих свойств американской жизни... Всякий за себя. Всякий человек, всякое предприятие думает только о себе. Нет ни порядка, ни внимания к общественному интересу, ни общего и всеоб'емлющего плана...»

Как эти строки невольно резким контрастом подчеркивают нашу силу — силу социалистического плана, силу социалистической дисциплины нашего общества, дисциплины нашего единого народного хозяйства.

Строжайшая экономия и мудрая хозяйская бережливость составляют самую душу социалистической экономики. Вот почему уродливым, вызывающим отвращение и гнев советского трудового народа, кажется всякое расточительство народных средств, равнодушие к потерям и подлое иждивенчество за счет государства.

Выражая волю народа, депутаты в развернувшихся прениях решительно осудили вредную традицию многих предприятий — жить на государственную дотацию. И в области культуры законы народного бюджета неизменны. Советские театры должны решительно перестроить свою жизнь на началах самоокупаемости. Советские издательства должны довести до широких читательских масс книгу — народную по содержанию и форме, доступную по цене. Архитекторы должны научиться, наконец, проектировать и строить с учетом требований жизни, без расточительных формалистско-эстетских увлечений. 1948 год — год упрочения советского рубля, год могущественного и незыблемого бюджета.

В тысячах сел и городов Российской Федерации — в цехах заводов, в ремонтных мастерских МТС, в учительских комнатах школ, в избах-читальнях—следят в эти дни советские люди за ходом обсуждения Государственного бюджета РСФСР в столице. Всенародная готовность трудовыми подвигами отозваться на решения Верховного Совета ответной волной возвращается в зал заседаний второй сессии и в свою очередь воодушевляет на решения избранников народа. Высокая идейность советского народа, руководимого великим Сталиным, — залог наших новых мирных побед!

У ПИСАТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА

Обсуждение постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели»

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Обсуждению постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» было посвящено состоявшееся на-днях общее собрание ленинградских писателей.

Собрание открыл кратким вступительным словом ответственный секретарь правления Ленинградского отделения Союза советских писателей Леонид Браусевич. С докладом выступил Л. Энтелис.

О глубоком принципиальном значении постановления для всех видов искусства говорили выступившие на собрании поэты, прозаики, драматурги, критики.

— Этот исторический документ,—заявил в своей речи Ю. Герман, — вновь обращает наше внимание на гибельные последствия всякого рода кастовости, замкнутости, на необходимость всегда считаться в своем творчестве с народом и его чаяниями. Поиски ясности, простоты — вот что было главным в истории развития великой русской литературы. Советское искусство находится в боевом охранении мировой цивилизации и прогресса. Средствами нашего искусства мы обязаны наносить сокрушительные удары растленной и гнусной буржуазной идеологии.

О совместной творческой работе поэтов и композиторов, о создании новых советских песен говорил А. Прокофьев. Идейному и художественному значению либретто для композитора, работающего в области оперной музыки, посвятили свои выступления С. Дрейден, М. Янковский. Важность делового творческого содружества композиторов и литераторов подчеркнул в своем выступлении секретарь партийного бюро Ленинградского отделения Союза писателей К. Ванин.

— Для нас, поэтов, — заявила О. Берггольц, — постановление Центрального Комитета партии имеет особое значение не только потому, что поэзия и музыка наиболее часто и близко соприкасаются, но и потому, что постановление это имеет прямое отношение непосредственно к самой поэзии. В нашем творчестве мы нередко забываем, что стихи должны быть ясными, доставляющими наслаждение, что борьба за такие стихи требует усиления борьбы с формализмом, трюкачеством в поэзии, борьбы за высокую идейность поэтического творчества.

В этой связи О. Берггольц резко критикует поэму С. Кирсанова «Небо над Родиной», поражающую читателя своей дисгармоничностью.

Большую содержательную речь произнес Б. Чирсков.

В резолюции общее собрание ленинградских писателей горячо приветствует историческое постановление Центрального Комитета об опере «Великая дружба».

С воодушевлением писатели Ленинграда приняли текст письма товарищу Сталину.

Изучение экономики области

МОЛОТОВ. (Наш корр.). Здесь началась подготовка к областной научно-производственной конференции, созываемой Молотовским обкомом ВКП(б) и Академией наук СССР. Она состоится в Молотове с 12 по 17 апреля.

В программу работ конференции включено 57 докладов. Основная тема их — борьба за выполнение пятилетки в четыре года на промышленных предприятиях области. На пленарных заседаниях будет заслушано 7 докладов по таким важнейшим проблемам теории и практики экономики социализма, как повышение производительности труда в промышленности, внедрение прогрессивных норм, теоретические основы хозяйственного расчета, внедрение передовой техники, снижение себестоимости продукции и другие. 50 докладов по конкретным вопросам экономики области предстоит обсудить на заседаниях секций.

На конференции выступят научные работники Института экономики Академии наук СССР, представители Государственного планового комитета Совета Министров СССР, союзных министерств, областных организаций и промышленных предприятий Молотовской области. Почти половину участников конференции составят инженерно-технические работники и стахановцы предприятий.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ В. Г. БЕЛИНСКОГО

«Белинский и его корреспонденты»

Так называется сборник, выпускаемый издательством Государственной библиотеки им. В. И. Ленина к 100-летию со дня смерти великого критика.

В сборник войдут неопубликованное письмо Белинского к М. Н. Каткову, два письма его к К. С. Аксакову, впервые публикуемые полностью, и 127 неопубликованных писем к Белинскому от В. П. Боткина, А. А. Краевского, И. И. Лажечникова, Н. А. Полевого и ряда других литературных и общественных деятелей.

Книга выйдет под редакцией и со вступительной статьей проф. Н. Бродского. Перу того же автора принадлежит и включенная в сборник статья о цензурном экземпляре юношеской драмы Белинского «Дмитрий Калинин», хранящемся в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

* * *

250 иллюстраций и портретов включено в альбом «В. Г. Белинский в портретах, иллюстрациях, документах», выпускаемый Учпедгизом в связи со 100-летием со дня смерти великого критика.

Помимо иллюстраций в альбоме будут опубликованы цитаты из произведений и писем Белинского, отрывки из воспоминаний о нем современников, цитаты из статей и высказываний о Белинском Ленина, Сталина, Плеханова, Чернышевского, Тургенева, Герцена, Некрасова и других лиц.

О. ДАВИЧО

У генерала Маркоса

Печатаемый нами очерк представляет собой отрывок из книги югославского журналиста О. Давичо «Среди партизан Маркоса», вышедшей в Белграде.

... На пороге стоял смуглый человек, тонкий и стройный, затянутый в талии широким офицерским поясом, в портупее, соединенной с ремнем, на котором висел большой «вальтер» в новой кобуре. Он улыбался чистой, радостной улыбкой и смотрел на нас внимательно и ласково.

Это был генерал Маркос.

Здороваясь с нами, журналистами, он каждому сильно пожимал руку, повторяя, что очень рад встрече.

Чувствовалось, что он не задумывается над тем, какое впечатление производит на нас. Он был до такой степени непринужденным, что, казалось, будто мы его давно знаем, будто мы его старые друзья. А старые, добрые друзья никогда не думают о том, какое впечатление они произведут друг на друга.

— Я всегда чувствовал, — говорил Маркос, — что демократические круги всего мира с симпатией смотрят на борьбу, которую ведет греческий народ. Убежден в том, что мы победим, потому что непобедим народ, с такой волей, храбростью и упорством борющийся за свою независимость. Мы черпаем нашу веру в победу из славных примеров советских, югославских и других народов, которые знали, что выстоят и победят в нелегкой борьбе с врагом. Нас вдохновляет также то, что народы, ведущие сегодня борьбу за прочный и продолжительный мир, оказывают нам моральную поддержку — единственную, на которую мы в этих условиях можем рассчитывать и на которую рассчитываем...

За обедом разговор продолжался еще более свободно. Касались бесчисленного количества тем. Окончив трапезу, мы расположились в маленькой крестьянской комнатке, в которой, кроме стола и достаточного количества скамеек, не было никакой другой мебели.

Жермен, корреспондент «Юманите», взял с подоконника винтовочный патрон и начал вращать его, как карандаш, между пальцами.

— Я хочу задать вопрос!—сказал он. —Каковы причины создания Демократической армии?

Генерал затянулся папиросой и затем вполголоса повторил вопрос. Усмехнулся.

— Эх, друзья! Вижу, чего вы хотите. Ну, давайте! Об этом много говорилось.

И Маркос ответил на вопрос:

— Создание Демократической армии есть выражение лучших стремлений и желаний нашего народа быть независимым и свободным. Она — ответ греческого народа на террор монархо-фашистов, террор, созданный, организованный, руководимый и отвечающий мрачным интересам английских и американских империалистов.

Генерал Маркос рассказывает о терроре, убийствах, арестах, грабежах, насилиях, — обо всем том, что творят монархо-фашистские банды; он цитирует при этом многочисленные документы.

— Местные власти в Элино-Пиргосе, область Кардица, выдают справки. Цитирую: «Фемистокл Мокрис, признанный патриот. Просим власти оказывать ему содействие во всех его мероприятиях для дела короля».

Какие же мероприятия служат делу короля? На совести Мокриса 58 убийств...

Еще? Пожалуйста. Возьмем секретное обращение полицейского центра в Волосе, призывающее всех «националистов» усилить террористические акты против демократически настроенных жителей сел и городов.

Или вот... Один кровопийца, бандит Вуркалис послал ультиматум митрополиту Амброзию из Ламии. «В случае, — пишет Вуркалис,—если ты будешь отказываться назначать в села тех священников, которые мне нравятся, сожгу тебе бороду, отрежу уши и заставлю тебя, проклятый, сжевать их и проглотить...»

Мы располагаем также интересным документом за подписью Зерваса. Он пишет известному убийце Феосу, чтобы тот помог «патриотической работе» офицера Никоса Хондроса — террориста из Трикалы — и чтобы всегда держал с ним связь, когда направляется из города для «поимки демократов»... Все эти документы найдены у убитых бандитов.

... Беседа продолжалась долго. Один из нас сказал:

— Сейчас бы вам, генерал, следовало ответить журналистам на вопрос, заданный еще утром.

— Моя жизнь?—спросил генерал Маркос. — Да... Это то, что мы оставили на конец.

Табачный дым плыл по комнатке, где мы сидели у стола, заваленного ворохом бумаг и карт.

— Не могу говорить о себе, это всегда труднее.

— Где вы родились? — спросил Жермен.

— В одном селе около Фоссии,—быстро ответил Маркос.—Костамони называется, в Малой Азии. Там закончил четыре класса начальной школы. Жаль, — и звонкий голос заполнил всю комнату, — жаль, — повторил он, — что не имел возможности продолжать учиться дальше. Родители были бедны. Вскоре остался сиротой. С одиннадцати лет вынужден был зарабатывать и содержать семью. Чем только не занимался! Мальчик в ресторане, каменщик, сельскохозяйственный рабочий, носильщик... После греко-турецкой войны нас отправили в Грецию, в Салоники. Сначала работал в загородном ресторанчике, а в 1924 году поступил на табачную фабрику. Там впервые примкнул к рабочему движению. В 1922 году стал членом профсоюза, а в 1927 году был призван на военную службу в конницу.

Свертывая папиросу, генерал Маркос продолжал:

— Видимо, я проявил успехи в военных делах и потому через два месяца был уже сержантом. Но дальше не продвинулся. Подозревали, что я коммунист. Но все же я использовал это время, учился и за год получил много знаний по военному делу.

— Подвергались ли вы преследованию со стороны властей?

— Ну, как же! — сказал Маркос и словно вспомнил что-то. — Арестовывали меня и до, и после службы в армии. К концу службы у меня отобрали оружие и даже запретили проходить военную подготовку. Взялся я за учебу. Некоторые офицеры-демократы дали мне учебники. Таким образом, я сумел заполнить пробелы в школьном образовании. Меня арестовывали десять раз. Однажды долго сидел в Акромаприи, на Пелопоннесе. Со мной в тюрьме находилось около 700 коммунистов. В день вторжения немецкой армии в Грецию я был переведен в кандалах на остров Гавдос, близ Крита. И там было много коммунистов. Мы, политические заключенные, просили, чтобы нас послали на фронт. Написали письмо правительству. Но Метаксас отказался, потребовав от нас прежде всего подписки об отречении от наших политических взглядов и от принадлежности к коммунистической партии.

Маркос вспыхнул. Его потемневшее от загара лицо покрылось румянцем.

— Глупец! — почти вскричал он, — как же можно отречься от партии, если она научила меня любить свой народ больше всего на свете, больше самой жизни!

Ни одному коммунисту, ни одному патриоту правительство Метаксаса, состоявшее из предателей и профашистов, не разрешило отправиться на фронт. Зато всю нашу тюрьму власти передали гитлеровцам.

27 мая 1941 года я вместе с пятью товарищами бежал с Гавдоса. В открытой лодке добрался до оккупированного Крита и там скрывался около двух с половиной месяцев; здесь я имел возможность изучить немцев, которых видел впервые. Поздней осенью 1941 года прибыл в Афины, где посвятил себя организации общедемократического фронта борьбы против оккупантов. Усилия моих товарищей и мои дали плоды — был создан ЭАМ. В начале 1943 года ушел в горы, в ЭЛАС. Первое время находился в 10-й дивизии, позже был послан к генералу Бакиридису в Македонский корпус ЭЛАС, где в чине полковника сражался до конца войны.

После соглашения в Варкизе я так же, как и все мои товарищи сложил оружие. Я отправился в Салоники и там продолжал борьбу в рядах коммунистической партии, сражаясь другими политическими методами за те же идеалы свободы и независимости моей родины. Был вынужден скрываться, часто менять квартиры, жить без прописки. В августе 1946 года террористический «Комитет безопасности» вынес решение, обязующее полицию найти меня и выслать на острова, поскольку я «политически опасен и активен в революционном отношении»... Разумеется, я не мог согласиться с решением «Комитета безопасности». Я хотел и дальше служить своему народу. По крышам домов я выбрался из Салоник и через два дня прибыл на тогда еще совсем маленькую, но все же Свободную территорию. Товарищи выбрали меня своим командиром. Вот тогда-то мы организовали и создали Демократическую армию.

Генерал Маркос закончил свой рассказ. На рассвете мы двинулись из Крисомильи в обратный путь. Генерал Маркос, его штаб ожидали нас при выходе из села.

В сопровождении роты партизан и отделения партизанок мы начали спускаться вниз по склону горы. Через пять часов мы прибыли в Дромизи, последнее из сел, занятых партизанами. Между ним и ближайшим жандармским постом в долине лежало четыре километра «ничьей земли».

В Дромизи народ встретил нас песнями и цветами. Мы даже не знали о том, что одна старая женщина ушла по направлению к мосту, где располагался жандармский пост, и передала жандармам письмо. В письме говорилось: «Посетившая нас делегация вскоре покинет Свободную Грецию и пройдет через занятую вами территорию. Мы будем держать вас под ударом сверху, с гор, и тяжело будет вам, если не сделаете все так, как нужно, хотя бы один раз в вашей песьей монархо-фашистской жизни». Письмо было послано потому, что мы отказались от дальнейшего сопровождения, хотя командир батальона настаивал на том, чтобы сопровождать нас в боевом строю до самого жандармского поста:

— Боятся нас, когда видят. Не посмеют ничего сделать. И вы спокойно пройдете через мост.

Бойцы проводили нас до холма над дорогой, а дальше мы решили все же двигаться без сопровождения.

Когда мы достигли дороги, обернулись и посмотрели вверх на гору, то увидели, как бойцы армии Маркоса махали нам вслед флагами и оружием...

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

☆ **Дом инженера и техника** механического завода «Молот» открылся в одном из лучших зданий города Петровска (Саратовской области). В доме имеются технический и лекционный залы, комната отдыха, библиотека.

☆ **Скульптурная фигура** классика армянской литературы Хачатура Абовяна устанавливается на родине писателя в селе Канакир.

☆ **Выставка, посвященная творчеству И. И. Шишкина,** одного из основоположников русского реалистического пейзажа, организуется Киевским государственным музеем русского искусства в связи с исполняющимся в этом году 50-летием со дня смерти художника. На выставке будет представлено свыше ста авторских работ, среди них: «Дубовая роща», «На севере диком», «Дуб в поле», а также рисунки пером «Пасека», «Ручей в лесу».

☆ **125-летие со дня рождения А. Н. Островского** отмечают театры Латвийской ССР. Состоялась премьера пьесы «Таланты и поклонники» в Латвийском театре драмы. Театр юного зрителя поставил пьесу «Правда — хорошо, а счастье — лучше».

☆ **«День интеллигенции»** проведен в Фатеже (Курская область). В помещении средней школы собралось 450 учителей, агрономов, врачей, инженеров Фатежского района. Были заслушаны доклады о столетии «Манифеста Коммунистической партии» и о международном положении.

☆ **Первый номер «Литературно-художественного альманаха «Звезда»** на еврейском языке вышел в издании Украинского государственного издательства художественной литературы. В первом номере опубликованы новые произведения писателей И. Шефера, Д. Гофштейна, переводы с украинского на еврейский язык рассказов А. Гончара, стихов украинских поэтов В. Сосюра, Л. Первомайского и других.

☆ **Областное совещание молодых авторов** закончилось в Томске. В совещании приняли участие свыше 50 сибирских поэтов и прозаиков, учащихся вузов и техникумов, молодых рабочих фабрик и заводов.

☆ **«Советская Армения и русская культура»** — так называется сборник, выпускаемый издательством Академии наук Армянской ССР. В сборник войдут высказывания крупнейших ученых Советского Союза о науке и культуре Армении, труд «Об армяно-русских литературных связях» К. Григоряна и «История развития современного армянского языка» Г. Севака.

☆ **60-летие художника-миниатюриста** и реставратора А. И. Брягина, одного из основоположников известной мастерской миниатюры, отметила общественность Вологды.

За 35 лет творческой работы художник-миниатюрист создал много живописных полотен, миниатюр, росписей по дереву, реставрировал более 300 памятников древнерусской живописи. А. Брягин принимал участие в реставрации Успенского собора в Московском Кремле. Многие миниатюры художника экспонировались на выставке художественного творчества в Третьяковской галлерее.

☆ **Секция кинодраматургов** создана при Союзе советских писателей Казахстана.

☆ **Сборники стихов** молодых поэтов республики выпустило Дагестанское государственное издательство на кумыкском, татском и даргинском языках.

☆ **Конкурс на лучшую массовую песню** об'явил к предстоящему 25-летию республики Совет Министров Карело-Финской ССР. Первая премия установлена в размере 10 тысяч рублей.

СПАСИБО МОСКВЕ!

ВИЛЬНЮС. (Наш корр.). 11 марта в Вильнюс возвратились участники декады литовской литературы в Москве. На вокзале их встречали представители литовской печати. Приехавшие из Москвы писатели и работники искусств поделились своими впечатлениями о пребывании в столице.

Председатель Союза советских писателей Литовской ССР Ионас Шимкус заявил вашему корреспонденту:

— Декада литовской литературы в Москве вылилась в праздник нашей культуры, в яркую демонстрацию дружбы великого русского и литовского народов. Трудящиеся столицы тепло встречали нас, проявляли большой интерес к жизни нашей республики, к развитию литовской культуры. Все мы возвращаемся из Москвы, полные решимости и энергии создать произведения, достойные нашей замечательной эпохи.

— Мы просим «Литературную газету» передать нашу благодарность и сердечное спасибо Москве и москвичам за сердечную заботу, которой были окружены литовские писатели во время пребывания в столице.

Участники декады предполагают в ближайшее время встретиться с рабочими и служащими предприятий и учреждений Вильнюса, Каунаса, работниками культуры и искусства, чтобы рассказать им о днях, проведенных в Москве.

К 50-летию Первого с'езда РСДРП

Маленький зеленый деревянный дом на бывшей Захаржевской улице в Минске, где 50 лет тому назад происходил Первый с'езд РСДРП, погиб в огне во время Великой Отечественной войны. Полностью сгорели вся обстановка дома и материалы по первой главе «Краткого курса истории ВКП(б)», составлявшие экспозицию музея в историческом здании.

Наш корреспондент связался по телефону с заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК КП(б) Белоруссии тов. А. Д. Молочко, который сообщил, что к 10 марта сгоревший дом полностью восстановлен по чертежам, сделанным с его макета. К 50-летию Первого с'езда РСДРП в нем вновь откроется для обозрения экспозиция, посвященная первой главе «Краткого курса истории ВКП(б)». В ближайшее время будет восстановлена и вся обстановка дома.

УЧЕБНИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ ВУЗОВ

Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР готовит учебники сербо-хорватского, болгарского, польского и чешского языков для студентов филологических факультетов университетов и педагогических институтов.

Студенты-филологи получат также хрестоматии по литературам братских славянских народов. В первую очередь увидит свет хрестоматия югославской литературы. Другие хрестоматии посвящаются польской, болгарской и чешской литературам.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПЕДАГОГА-ПИСАТЕЛЯ

60-летию со дня рождения А. Макаренко было посвящено состоявшееся на-днях расширенное научное заседание Государственного литературного музея. На нем встретились родные, друзья и ученики выдающегося педагога-писателя.

С воспоминаниями об А. С. Макаренко выступили В. Терский и Т. Татаринов, работавшие вместе с ним в колонии для малолетних правонарушителей и описанные в «Педагогической поэме», Ю. Лукин — редактор некоторых произведений А. Макаренко, Л. Салько — воспитанник колонии, народный артист РСФСР Н. Петров.

ЦЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСНЫХ КНИГ

Государственный литературный музей получил из Ростов-Ярославского краеведческого музея ценное собрание старинных рукописных книг XV—XVIII веков. Это собрание—часть хорошо известной библиофилам «Титовской» коллекции, названной так по имени А. А. Титова, знатока и собирателя старинных рукописей.

Многие книги из собрания, полученного музеем, были до сих пор не известны исследователям. Среди них—сборник сатирических стихотворений (XVIII век), направленных против помещиков и рекрутчины, сатирическая «Газета с того света» (XVIII век) и другие.

Интересен красочно оформленный «Журнал о походах Петра Великого». Библиографическую редкость представляет рукописный экземпляр романа Чулкова «Пригожая повариха», переписанный с издания 1770 года.

В числе новых приобретений музея — несколько рукописных вариантов приключенческого романа «О благородном рыцаре Петре Златых Ключей и о благородной королевне Магилене Неаполитанской» (XVIII век). На некоторых экземплярах имеются надписи владельцев: «Сия книга лейб-гвардии Семеновского полка 6-й роты солдата Щилы. Дано 35 копеек», «Сия книга деревни Старово Бараново Василия Иванова» и. т. д.

Наиболее ценные экземпляры коллекции, относящиеся к XVIII столетию, в ближайшее время будут включены в экспозицию Музея русской литературы XVIII века.

Памятники древнего искусства Средней Азии

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). Старинные стеклянные изделия, алтарь огнепоклонников, относящийся к III веку до нашей эры, кувшин с согдийской надписью и изображением несторианского креста (VI—VIII вв.) и многие другие памятники древнего искусства, добытые при раскопках городища Афросиаб (близ Самарканда) советским археологом А. Тереножкиным, пополнили экспозицию Государственного музея искусств Узбекской ССР в Ташкенте.

Новые экспонаты, относящиеся к глубокой древности, дают отчетливое представление о формировании художественной культуры в Самарканде. Они наиболее полно раскрывают эволюцию керамических изделий и богатейшей терракотовой скульптуры.



Одна из лучших стахановок Камского бумажного комбината — сортировщица бумаги П. Байкова. Фото В. Темина.

ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР ВЫПОЛНИЛА ПЛАН ЯНВАРЯ И ФЕВРАЛЯ

Предприятия Министерства целлюлозной и бумажной промышленности СССР выполнили план первых двух месяцев 1948 года на 107,3 процента.

Заместитель министра целлюлозной и бумажной промышленности СССР тов. А. Е. Извеков в беседе с нашим сотрудником сообщил:

— Наша промышленность, выполнив план первых двух месяцев третьего решающего года пятилетки, увеличила выпуск валовой продукции в сравнении с первыми двумя месяцами прошлого года на 19 процентов: по целлюлозе — на 28 процентов, бумаге — 10,6 процента, газетной бумаге — 9 процентов и тетрадям — 56 процентов.

Наибольших успехов добились Калининградский целлюлозный комбинат № 1, выполнивший план января и февраля на 107,1 процента, Камский бумажный комбинат—108,3 процента, Балахнинский—105 процентов. Особо следует отметить Бондюжский комбинат, частично восстановленный в первом квартале текущего года. Его коллектив успешно справляется с заданием по выпуску газетной бумаги.

Успехам бумажной промышленности содействовало то большое внимание, которое оказывает бумажникам советская общественность.

* * *

Президиум Союза советских писателей Украинской ССР недавно заслушал доклад управляющего республиканским бумажным трестом тов. Сильченко о работе бумажных предприятий Украины. Президиум создал специальную комиссию и выделил бригады писателей, которые в ближайшие дни выезжают на бумажные фабрики.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«КПЕРЕДИ» И «КЗАДИ»

Ко мне обратились ученицы средней школы и с коварным видом спросили:

— Откуда взялись слова «кпереди» и «кзади»? Вы учитель русского языка. Пожалуйста, об'ясните нам!

Я твердо им ответил: Таких слов в русском языке нет.

Девочки тут же показали мне учебник Цузмера «Зоология» для 6-х и 7-х классов средней школы, выпущенный Учпедгизом в 1946 году. К своему удивлению я там прочел:

«Тело окуня заострено кпереди и кзади».

Я почувствовал себя пристыженным, но все же упорно повторял: «Эти слова выдумали в Учпедгизе. Я туда напишу».

Редактора Учебно-педагогического издательства Министерства просвещения РСФСР т.т. Лагутина и Герасимов сообщили мне, что «эти слова существуют в Академическом словаре». Однако в толковом словаре русского языка я их не нашел.

Как же быть?

ХАРЬКОВ. **Учитель Е. КОРОТИН.**

И. ДНЕПРОВ

О советском ревизоре

По следам одного письма в редакцию

Война была великой школой зрелости для миллионов советских людей. Такой школой стала она и для Николая Алексеевича Беликова, в прошлом рядового бухгалтера. После демобилизации перед Беликовым встал вопрос: где применить свой новый опыт, куда пойти работать? Когда в Министерстве сельского хозяйства ему предложили должность ревизора, он охотно согласился.

Беликова назначили ревизором в Главное управление Северного Кавказа и Закавказья. Человек обстоятельный, он старательно изучал специальную литературу и ждал боевого крещения—первой ревизии. Но проходили дни, недели, месяцы, а руководители главка не торопились. Беликов пробовал заикнуться: как же, мол, с ревизией, когда поедем? Ему отвечали: успеешь! Трудно было понять смысл этого ответа. В подчинение главка Северного Кавказа и Закавказья входили сотни районов и сотни МТС. Но в главке ревизоров не беспокоили. В течение четырех месяцев Беликов и его товарищ по работе ежедневно приходили в главк и... изнывали от безделья. Постепенно их превратили в мальчиков на побегушках: ответить на бумажку, подшить дела, сходить в банк вместо заболевшего кассира — такова была высокополезная деятельность двух молодых ревизоров в течение месяцев. И только когда они открыто возмутились и заявили протест, начальство сдалось: ревизоров послали на первую ревизию.

Беликов поехал в Краснодарский край. Ему вскоре удалось вскрыть антигосударственную практику заниженного планирования в некоторых машинно-тракторных станциях. Особенно тщательно изучал он Куйбышевскую МТС, хотя директор ее Скворцов с неохотой допустил ревизора до архивов. Директор очень любил почет и славу, но стремился достичь их не обычным честным советским путем, а с помощью мошеннических комбинаций.

Предвоенная норма выработки мягкой пахоты на трактор в Куйбышевской МТС составляла 948 га. На 1943 год Скворцов, с ведома крайземотдела, взял норму в 497 га и, конечно, легко выполнил ее. На 1944 год он устанавливает... 413 га (т. е. на 84 га меньше прошлогодней) и дает 521 га (перевыполнение!). 1945 год: норма 456 га (т. е. на 65 меньше фактической выработки прошлого года), сделано — 694 га (перевыполнение!). 1946 год: норма 500 га (т. е. на 194 меньше фактической выработки прошлого года), выполнено — 736 га (опять перевыполнение!). 1947 год: норма 625 га (т. е. на 111 меньше фактической выработки прошлого года), выполнено — 799 га (еще раз перевыполнение!).

За перевыполнение плана тракторных работ руководителям МТС полагались премиальные. Скворцов и его друзья намеренно занижали планы, скрывая от государства свои производственные возможности, и нагло залезали в государственный карман, получая в ряде случаев премии, якобы, за отличную работу.

Продолжая ревизию, и даже задержавшись дольше назначенных сроков командировки, Беликов обнаружил, что Куйбышевская МТС не была исключением на Кубани. Выяснилось, что в течение июля—октября 1946 года десятки МТС уже выполнили установленные годовые планы тракторных работ: почти в середине года вдруг оказалось, что им нечего делать. Планы многих МТС были явно занижены—никакого иного вывода из этого факта сделать было нельзя. Ревизор подсчитал выплаченные в 1946 году по краю премиальные. Оказалось, что это — солидная сумма в несколько миллионов рублей, из которых многие десятки, если не сотни тысяч, были, попросту говоря, уворованы.

С чувством гнева возвращался Беликов в Москву в Министерство сельского хозяйства СССР. И здесь на ревизора посыпались удары, один сильнее другого.

Для точности следует сказать, что сначала ему предложили кончить дело миром — признать, что он «напутал», «ошибся»... Возможно, что авторов этого предложения — заместителя начальника главка Северного Кавказа Ходропетного и начальника планово-финансового отдела Овчинникова —ввела в заблуждение известная в русской литературе фамилия ревизора. Чеховский Беликов — этот «человек в футляре» —боялся всего на свете, опасаясь, «как бы чего не вышло». Но иной характер был у советского ревизора Беликова.

Он не пошел на компромисс. Вот тогда-то и началась расправа. Главным ее вдохновителем был Ходропетный. С похвальной откровенностью заявил он Беликову:—Вы подайте заявление об уходе по собственному желанию. Заранее подыскивайте себе работу. Все равно я добьюсь вашего увольнения.

Несколько позже в действие включился Овчинников. Используя свое положение парторга главка, он на заседании партгруппы обвинил Беликова в нарушении трудовой дисциплины — в опоздании из поездки. Не разобравшись в существе дела, не выслушав толком ревизора, партгруппа об'явила ему взыскание. Беликов не сдается, он пишет зам. министра тов. Лобанову, обращает его внимание на странные вещи, которые творятся в главке вокруг планирования и премирования на Кубани. В это же время в газете «Социалистическое земледелие» появляется резкое письмо Беликова, в котором он указывает на ошибки министерства, допущенные в инструкции по составлению годовых отчетов МТС.

6 декабря 1946 года министр сельского хозяйства СССР тов. Бенедиктов об'являет виновным в составлении небрежной инструкции взыскание (приказ № 968). А на другой день, 7 декабря, появляется приказ (№ 1127(к) за подписью тов. Лобанова, в котором первый заместитель министра изничтожает ревизора Беликова: «за нарушение трудовой дисциплины» и «неудовлетворительное» выполнение задания ревизору об'является «строгий выговор с предупреждением». (Характерная деталь: самому Беликову приказ не показали, а втихомолку подшили к его делу).

19 февраля 1947 года Беликова отстраняют от работы и направляют в распоряжение управления руководящих кадров, а 3 марта увольняют по «сокращению штата».

Чтобы покончить с фактической стороной дела, следует сказать, что спустя три недели после окончательной расправы с Беликовым главный организатор ее Ходропетный был разоблачен, как участник уголовного дела расхитителей из Калужского облземотдела.

Таковы факты. Такова история о том, как в Министерстве сельского хозяйства среди бела дня был вышвырнут молодой ревизор только за то, что он посмел выступить на защиту кровных интересов государства.

Читатель поймет, почему мы придаем делу Беликова широкую огласку. Ревизор министерства—немаловажное звено нашего государственного аппарата. Это — бдительный часовой, призванный стоять на страже интересов государства и бороться со всеми антигосударственными явлениями.

Ревизор вскрыл основной из'ян — антигосударственную практику заниженного планирования в МТС Кубани. Но тем самым он обнаружил крупнейший из'ян и в работе своего главка, причастного к вскрытым безобразиям: главк механически штамповал планы края и выплачивал из государственного бюджета премии Скворцовым за то, что они... обманывали государство. Проверка низового звена обнажила крупные недостатки в работе Министерства сельского хозяйства СССР. Но как только Беликов это сделал, непосредственные виновники сумели опорочить ревизора и избавиться от него.

Со всей резкостью были названы пороки внутриведомственного контроля в докладе министра финансов на второй сессии Верховного Совета РСФСР.

Случай расправы с ревизором Беликовым — исключительный. Но он все же свидетельствует о неблагополучии в организации внутриведомственного контроля. Нужно обеспечить такую постановку дела, при которой нельзя было бы чинить препятствия смелому, инициативному контролю, защищающему кровные интересы социалистического государства.

Е. КНИПОВИЧ

КОГДА ОТСУТСТВУЕТ ВДУМЧИВЫЙ РЕДАКТОР

В журнале «Знамя» есть хорошая традиция, которая сложилась еще в дни войны и особенно окрепла в послевоенные годы. Наряду с художественной литературой, журнал постоянно печатает записки, дневники, воспоминания «бывалых людей», прошедших боевой путь с частями армии и флота, в партизанских отрядах, в большевистском подполье.

Литературная ценность таких документов различна. «Люди с чистой совестью»— записки П. Вершигоры — стали первой книгой нового талантливого писателя. Что же касается, например, радиста И. Кириленко, то рано еще предполагать, будет ли он продолжать свой литературный путь. Но его опубликованным в «Знамени» запискам под названием «Плещут холодные волны» в высшей степени свойственен талант советского человека — уменье увидеть в делах наших людей главные черты советского народа — любовь к Родине, чувство товарищества, нравственную силу.

Этот талант — человечный и гражданский — помог И. Кириленко и как литератору. Материал подчиняется ему. Главное — люди и их подвиг — на первом плане произведения, подробности не загромождают повествования. И. Кириленко очень мало говорит о себе. Но уменье радоваться и изумляться нравственному богатству товарищей раскрывает и внутренний облик самого рассказчика.

«Теплоход «Кахетия» — записки военного врача О. Джигурды — продолжает серию документальных произведений, напечатанных в «Знамени». Материал, положенный в основу этих записок, — драгоценен. Черноморский теплоход, названный в записках «Кахетией», был переоборудован в военный транспорт и совершал рейсы по Черному морю осенью 1941 — весной 1942 года.

Базируясь на порты кавказского побережья, он перевозил, чаще всего в осажденный Севастополь, войска, боеприпасы и продовольствие. Из Севастополя он увозил в тыл раненых защитников города.

Условия, в которых совершались рейсы, были очень тяжелыми. Налеты вражеских бомбардировщиков, артобстрел, штормы, обледенения, — множество опасностей повседневно угрожало «Кахетии» и ее экипажу. 10 июня 1942 года теплоход был потоплен на севастопольском рейде вражескими самолетами.

«Кахетия» была пловучим госпиталем. Личный состав корабля включал многих врачей, фельдшеров, сестер, санитаров и санитарок. Невзирая на тяжелую обстановку, люди «Кахетии» трудились упорно и самоотверженно, выполняя свой долг перед Родиной и ее ранеными защитниками.

Как же рассказала об их работе О. Джигурда, участник славных дел «Кахетии»?

В ее записках мы найдем волнующие страницы о защитниках Севастополя, гордых своими боевыми традициями, мужественных в беде и страданиях. Есть в произведениях хорошие, живые образы некоторых работников «Кахетии». Вот два дружных санитара — Цимбалюк и Бондаренко. Один из них пожилой, другой еще очень молод. Один — флегматик, другой — сангвиник, однако это не мешает их дружбе. Оба они — лучшие санитары корабля. И своими успехами они гордятся сообща. Если хвалят Бондаренко, он тотчас восклицает: «А Цимбалюк?» Если хвалят Цимбалюка, он, помолчав, медленно спрашивает: «И Бондаренко? Он того... хороший».

Очень любит О. Джигурда свой корабль—красавицу «Кахетию», изображает ее как живое существо. Вновь и вновь, несмотря на трудности, упрямо «чапает» «Кахетия» в очередной рейс — «чап-тук-тук, чап-тук-тук».

И все же, кончая записки, читатель испытывает чувство разочарования. Все, что есть в них ценного, он собрал по кусочкам, восстановил сам. Автор мало помогал ему.

То, что О. Джигурде нехватает изобразительных средств, — это еще полгоря. («Милая блондиночка» или «толстенькая девушка» — более выразительных портретов в книге не найти).

Гораздо хуже то, что запискам этим не свойственен тот человечный талант, который мы с такою радостью ощущали в большинстве прочитанных воспоминаний об Отечественной войне. О. Джигурда мало умеет радоваться и удивляться своим товарищам, видеть и изображать их сущность, которая и сделала этих людей советскими патриотами, членами боевого коллектива. Не следует замалчивать личных недостатков наших людей. Но если прежде всего увидеть в человеке главное, социалистическое, тогда мелкие, личные недостатки не раздуются непомерно, мусор и хлам не будут закрывать человеческое лицо. Вот, например, старшая сестра — Надя Мешкова. «Об'ективные показатели» здесь таковы. Надю — в условиях 1941 года! — в числе лучших четырех работников теплохода отправили за отличную работу на отдых. Надя — тоже в 1941 году — в числе первых шести работников получила правительственную награду. Казалось бы, есть в человеке такие черты, которые нельзя не заметить и не отметить. А в записках мы узнаем только, что Надя старательна, исполнительна, «вежлива до приторности».

Слишком часто О. Джигурда выдвигает на первый план мелкие черты, слабые стороны человека. В сандружиннице Когтевой больше всего запоминается ее мелочное самолюбие, в докторе Масленниковой—склонность к флирту, в Старошинской — страх перед опасностью. Вообще о страхе, который испытывают ее товарищи, О. Джигурда, сама явно человек смелый, говорит слишком охотно. И это тоже неправильно.

В военных дневниках К. Симонова («Знамя» № 5—6, 1945 г.) есть один поучительный эпизод. В 20-х числах августа 1941 года под Одессой автор вместе с фотографом Яшей Халипом и полковым комиссаром Балашовым оказался на позициях наших минометчиков. По ним били румынские минометы. Но Яша Халип чувствовал себя обязанным по долгу службы сфотографировать наших воинов, хотя сделать это можно было только стоя выше окопа, на открытом месте, под обстрелом.

«У меня, — пишет К. Симонов, — имелось довольно отчетливое желание лечь на землю рядом с минометчиками или сесть к ним в окоп. Думаю, что такое же желание было и у Балашова. Но это, конечно, исключалось, ибо не могли же мы оставить на поверхности одного несчастного Яшу Халипа.

В ответ на ворчание Яши, что при такой погоде не известно, какая нужна выдержка, я довольно нервно — мне тоже было не по себе — сказал ему, чтобы он снимал на «тик-так».

— На «тик-так»? — воззрился на меня Яша. — На «тик-так» я не могу, у меня руки дрожат, — и этим искренним признанием навсегда подкупил меня, ибо, несмотря на то, что ему было очень страшно, он все-таки продолжал снимать дрожащими руками и по своей профессиональной привычке снимал отвратительно долго и тщательно».

Думаю, что в этом эпизоде соотношение страха и мужества показано гораздо правильнее, чем в записках О. Джигурды.

Не умея увидеть самое главное и значительное в людях, О. Джигурда и в событиях не может отделить главное от второстепенного, не может справиться с подробностями, эпизодами.

В записках то чрезмерно вылезет пошленькая, отдающая сплетней, история «романа» врача Ветровой с летчиком М., то анекдот о морском суеверии, согласно которому надо следить, чтобы крысы не бежали с корабля.

Несомненно, что в недостатках записок о теплоходе «Кахетия» повинна и редакция журнала «Знамя». Она должна была помочь автору организовать материал, должна была убрать то мелкое и ненужное, что заслоняет от читателя ценные и интересные стороны записок.

О. Джигурда. «Теплоход «Кахетия», «Знамя». 1948. №№ 1, 2.

История похода Семена Дежнева

ЛЕНИНГРАД. (**Наш корр.**). Научная общественность Ленинграда готовится отметить исполняющееся в этом году 300-летие героического плавания Семена Дежнева, впервые прошедшего с Колымы на Анадырь вокруг Азии. Как сообщил корреспонденту «Литературной газеты» президент Всесоюзного географического общества академик Л. С. Берг, памяти замечательного русского землепроходца посвящается специальное заседание, на котором советские ученые выступят с докладами о походе Семена Дежнева. Намечается издание научно-популярной литературы о его плавании.

Необычайная судьба постигла первостепенное географическое открытие Дежнева. Его отчеты о плавании пролежали в якутском архиве 88 лет. Лишь в 1736 году участник Великой северной экспедиции Г. Миллер отыскал эти документы в Якутске и опубликовал их, заявив, что Дежнев открыл пролив между Азией и Америкой.

Казак Семен Дежнев, родом из Великого Устюга, летом 1648 года был послан на реку Анадырь «для прииску новых неясачных людей». Он шел из устья Колымы на восток морем на кочах, небольших плоскодонных парусных судах. На его коче находилось 25 человек.

Обогнув большой мыс, именуемый ныне мысом Дежнева, суда попали в бурю. Долго носило их по морю, а потом выбросило на берег, к югу от устья реки Анадырь. Это произошло около 1 октября 1648 года. От места крушения до устья этой реки Дежневу и его товарищам пришлось итти пешком десять недель.

В своих «отписках» (отчетах) якутскому воеводе Семен Дежнев приводит интересные географические и этнографические сведения. Отчеты Дежнева проанализированы в географических трудах академика Л. С. Берга и неоспоримо доказывают приоритет русского землепроходца в открытии пролива между Азией и Америкой, названного впоследствии Беринговым.

Академик Л. С. Берг опровергает также попытки американского исследователя Ф. Гольдера в его сочинениях о русских исследованиях на Севере и в Тихом океане опорочить открытие Семена Дежнева.

Н. КАЛИТИН

Взыскательность поэта

Можно ли с точностью, равно приемлемой для каждого читателя, определить, в чем заключается подлинное совершенство поэтической формы?

Иные утверждают:

— Это дело вкуса.

Но есть все же одно определение, которое не зависит от личных вкусов и может быть одинаково применено ко всем поэтическим произведениям, без всякого исключения. Совершенство формы достигается лишь тогда, когда форма не напоминает о себе читателю ни неуклюжестью стиха, ни формалистическим изыском.

С благородной простотой и в то же время с сильным и искренним поэтическим чувством рассказывает А. Твардовский в поэме «Дом у дороги» и о радости труда, и о боли разлуки, и о теплоте дружбы, и о светлом огоньке надежды. Задушевно и глубоко поэтично говорит А. Кулешов о восстановлении разрушенного дома.

Тучка —и та загляделась,
Залюбовалась работой.
Стала над домом,
И дальше ей плыть неохота.

Стала. Стоит. И порою
Людям сдается:
Это не тучка, а первый дымок над трубою
Вьется.

Примеры такой же чудесной, волнующей простоты, высокой поэтичности чувства, облеченного в ясную, прозрачную форму, можно привести и из десятков стихотворений других поэтов. Но нужны ли эти примеры? Нужно ли доказывать, что в стихах лучших наших поэтов глубина содержания сочетается с высоким совершенством поэтической формы, что чувство, которое горит в душе поэта, выражается в лучших стихотворениях с той искренностью и простотой, которая не может не вызвать ответной волны в душе читателя. И именно поэтому должны мы со всей серьезностью говорить о недостатках, которые встречаются в творчестве отдельных поэтов, о том пренебрежении поэтической формой, которое ведет к серости и однотонности одних стихотворений, к подмене искреннего чувства поэтическим штампом в других, оправдывает поэтическую и всякую иную неграмотность в третьих.

На бедность музыкальной формы, на однотонность и убожество отдельных музыкальных произведений, на пренебрежение «изящной, красивой, ясной музыкальной формой» указывало постановление ЦК ВКП(б). Это указание заставляет вспомнить многие поэтические произведения, печатающиеся на страницах наших журналов, сборников и альманахов. Не кажется ли порою при чтении такого рода произведений, что автор их забыл об отнюдь не второстепенном обстоятельстве, важном для поэта, а именно, что в стихах должна быть... поэзия.

Евгения Долматовского мы знаем как поэта, который создал немало произведений, нашедших путь к сердцу читателя, подкупающих искренностью, теплотой, убежденностью. Его последний сборник «Ровесники» недавно заслуженно получил положительную оценку на страницах «Литературной газеты». Но вот Долматовский выпустил книгой цикл стихов «Созвездье», посвященный шестнадцати республикам Советского Союза. Наспех сколоченные строфы, необязательные образы и сравнения, случайные эпитеты, привлекаемые подчас только потому, что они хорошо «укладываются» в размер или рифмуются с нужным словом, — таков облик этой книги.

В один ряд, в одной строфе говорит поэт о моментах самого различного порядка: «Десантною славой студентки твои знамениты, кирпичные избы твои черепицею крыты». «Так наступают азиаты во славу родины своей. У них халаты полосаты, у них папахи до бровей». (Как будто бы сила туркменов, именуемых для рифмы азиатами, определяется расцветкой их халатов и об'емом папах). Что можно сказать о таких, например, строках, как:

Со своей скатив дороги
Горя каменную глыбу,
Твой народ трудолюбивый
Рубит лес и ловит рыбу,

— кроме того, что это просто плохие стихи, особенно неуместные в произведении, посвященном большой теме.

И можно лишь удивляться той оперативности, с какой поспешила редакция «Нового мира» в рецензии А. Гатова расхвалить эти стихи Долматовского, носящие явные следы спешки, отмеченные печатью ремесленничества.

В поэтическом активе С. Щипачева есть искренние, задушевные строки о любви и дружбе, о светлом и радостном мироощущении советского человека. В поэме «Домик в Шушенском» Щипачев нашел ясную и убедительную форму для раскрытия большой, волнующей темы. Но пусть сам поэт глазами взыскательного художника взглянет на свои лирические стихи последних лет. Не почувствует ли он сам то удручающее однообразие художественных средств, которым отмечены многие из них. Такие метафоры и сравнения, как «командир на фланге от пыли стал седым», или «не шевельнется лист отяжелевший, ему, как в шубе, тяжело в пыли» рождают яркое зрительное представление. Но когда пыль становится чуть ли не единственным признаком фронтовой обстановки («тополя в пыли», «псковскою покрылись пылью яловые сапоги», «бензином, пылью каждый куст пропах», «где грому из пыли рваться в высоту», «не померкли от военной пыли боевые звезды на броне», «танки, у которых на гусеницах пыль Европы всей», «новгородской раскаленной пылью ты опять встаешь передо мной», «танки, белые от пыли, шли по булыжной мостовой»), то у читателя рождается ощущение назойливого штампа.

Повторяются в стихах Щипачева и другие эпитеты и метафоры, одни и те же ритмы, интонации, рифмы. Из двадцати пяти стихотворений военных дней, включенных в сборник «Избранное», шестнадцать написаны одним и тем же размером.

Н. Ушакова трудно упрекнуть в недостаточном владении формой. И, однако, он позволяет себе публиковать такие строки: «И вот встает Донетчина, как на волнах, пред нами, расцвечена, размечена различными (!) дымками... Так, новым днем услышанный, степной, первостепенный (!) встает Донбасс **возвышенный, вернее, вдохновенный**»... А о похоронах павшего воина, Ушаков повествует следующими строками:

С бойцом мы прощались повзводно,
речь
сам произнес генерал,
и сводный оркестр благородно
над ним не Шопена играл —
вся степь от салютов гремела,
все пушки рыдали навзрыд...
Да, немцы попортили тело —
не знаем,
кто нами зарыт.

Что же после всего этого приходится сказать о более молодых и менее опытных поэтах, в творчестве которых отдельные удачные стихотворения или строфы соседствуют с беспомощными в поэтическом отношении строками, литературными штампами, безвкусицей. Я. Козловский, описывая грозу, рассказывает, как «по-над яром медленно перевернулся гром» и «пошел хлестать по шляхам и по злакам одушевленный ливень проливной», вслед за чем, вопреки всем законам природы, «над сверкнувшей степью Приднепровья легла предгрозовая тишина». Л. Татьяничева непринужденно рифмует костра — роса, хрустальный — недавно, быль — богатырь. Н. Тряпкин засоряет свои стихи многочисленными псевдонародными словечками и оборотами, вроде «соседиха», «предиха», «пихает в рот», «марш с песняком», «почто отрекаться в стране русаков от санок фартовых, от злых рысаков».

Сплошь и рядом недостаточное владение формой ведет к двусмысленцам, смысловым нелепостям, противоречиям.

Разве не прямо противоположные образы тем, какие имел в виду поэт, вызывают строки С. Васильева. «Подмосковные, ветром стали полосованные места. Я-то видел, как вы пылали, значит, совесть моя чиста».

Что хотел сказать Я. Козловский второй строкой следующего двустишия. «И время пробили куранты, победа встала на снегу»?

Чрезмерное пристрастие к словесной игре, к формальным вывертам также нередко обедняет стихи наших поэтов.

Перед нами сборник стихов М. Луконина. Участник войны, он с большим, искренним чувством пишет о виденном и пережитом; в наш сегодняшний день его лирический герой входит уверенно и твердо, сильный своей светлой верой в будущее, настойчивостью и твердостью в борьбе за достижение цели:

Не за утешеньем — утешать
Переступлю порог.
То, что я сделал, к тебе спеша,
Не одолженье, а долг...
В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой, —
Но лучше притти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

Но иногда одного голоса чувства поэту кажется мало, — и вот начинаются поиски необыкновенных ритмических ходов, броских рифм, особых интонаций, поиски, иногда приобретающие самодовлеющий характер.

М. Луконин написал стихотворение о смерти друга, заканчивающееся прекрасными словами «А если бы в марте, тогда, мы поменялись местами, он сейчас обо мне написал бы вот это». Но в этом стихотворении есть и четверостишия, вроде следующего:

Белым пятном
На снегу выделяться,
Руки не перележать и встать не силиться,
Не видеть, как чернильные пятна повыступили на пальцах,
Не обрадоваться, что веснушки сошли с лица.

И этот спотыкающийся ритм, эта нарочитая шероховатость стиха, эти вымученные, претендующие на оригинальность, но памятные еще по старым, имажинистским стихам В. Шершеневича, рифмы характерны не только для данного стихотворения, но и для многих стихов Луконина, вошедших в сборник «Сердцебиение».

Никогда я не забуду,
Сколько буду на войне,
Взбудораженную Буду,
Потонувшую в огне,

—так начинает С. Гудзенко стихотворение, посвященное большой, хорошей теме, и это ловкое, но явно неуместное жонглирование словами, продолжающееся и в заключительной строфе («Мы до поздней ночи будем битву в Буде вспоминать»), резко снижает звучание стихотворения в целом.

Можно было бы привести немало примеров подобных же ритмических «новшеств», нарочито звонких сочетаний и из произведений других поэтов. Как ни стараются авторы этих произведений пленить нас эффектными созвучиями, вроде «плыл плавный дождь» или «соловьи кочетам не чета: о любви не поют кочета», как ни «оригинальны» они в своих каламбурах и остротах («мы замерзаем, но не прозябаем», «тоска шалашей продувных» и т. п.), читателя эти строки оставляют равнодушным.

Формалистические изыски и выкрутасы так же умерщвляют мысль и чувство, как умерщвляет их бедность поэтической формы. Пренебрежение к совершенствованию мастерства неизбежно приводит к тому, что большие идеи и мысли теряют свою впечатляющую, волнующую силу. Тем самым снижается воспитательная роль поэзии, ее идейное звучание.

Неразрывная связь с коммунизмом

Аркадий КУЛЕШОВ

Вдохновляющей задачей наших прозаиков и поэтов было и будет преданное служение идеям коммунизма. Идя по этому пути, белорусская советская поэзия закалялась в борьбе с буржуазными националистами. Тема советского патриотизма стала основной ее темой.

Мы с радостью отмечаем, что лучшие произведения наших поэтов — таких, как Я. Колас, П. Бровка, М. Танк, П. Панченко, А. Зарицкий, К. Киреенко, А. Велюгин, В. Витка и другие, заслужили признание не только белорусского, но и всесоюзного читателя. В журнале «Звезда» опубликована поэма А. Белевича «Семья» в переводе А. Прокофьева. Выходит из печати «Антология белорусской советской поэзии» на украинском языке — в Киеве и на русском — в Москве и Ленинграде.

Гражданские мотивы были всегда главными в белорусской поэзии, но особенно сильно они зазвучали в годы Отечественной войны. Лучшие наши поэты создали произведения, дышащие чувством высокой любви и преданности Родине.

В послевоенных стихах белорусские поэты развивают тему советского патриотизма.

Жизнь Советской Белоруссии находит полнокровное звучание в творчестве одного из лучших наших поэтов—Максима Танка. Он говорит о колхозном труде, о новых стройках. Его чудесное стихотворение «Дружба» посвящено строящемуся вблизи Минска гиганту послевоенной пятилетки—автомобильному заводу. Поэт, как бы опережая время, переносит нас в те дни, когда из заводских ворот выйдут первые многотонные грузовики.

Для стихов, опубликованных в прошлом году, вообще характерно, что авторы их занимались не мелкими, узко личными переживаниями, а воспевали созидательный труд своего народа.

Петрусь Бровка в стихах «Добрый день, хлопцы!», «Последняя землянка», «Кузнец», «Наследство» славит строительство новых сел, восстановление колхозов. В стихотворении «Архитектор» он говорит о восстановлении разрушенного войной родного города. Эту же тему разрабатывают К. Киреенко («У витрины» и «Улица»), А. Зарицкий («Лебеди» и «Корабль»), М. Лужанин («Грузовики»). Молодой поэт М. Аврамчик посвятил стихи восстановлению Донбасса. О строительстве в Белоруссии тракторного и автомобильного заводов написали стихи П. Панченко, В. Матывушев, В. Витка и другие. Тридцатилетию Великого Октября посвящены поэма Ф. Пестрака «Сын Октября», стихи П. Глебки «Слава Октября», А. Велюгина «Октябрьское знамя». Всенародную любовь к коммунистической партии, к Ленину и Сталину выражают произведения П. Бровки, А. Зарицкого, М. Калачинского, Г. Нехая.

Таков далеко не полный перечень произведений белорусской поэзии, посвященных нашей современной советской жизни. Однако авторы часто поверхностно решают эти важнейшие темы, без художественного проникновения в глубину явлений. Еще нельзя, в частности, похвалиться значительными поэтическими произведениями о послевоенном строительстве социалистического сельского хозяйства.

В прошлом году в печати появилась единственная поэма, которая показывает жизнь сегодняшнего колхоза — это «Соседи» А. Белевича. Она радует новизной темы, яркими картинами коллективного труда, чувством гордости за счастье, найденное крестьянином в колхозе. В поэме рисуется живой образ председателя колхоза.

Но ценность произведения снижается его композиционной рыхлостью. Автор еще не научился находить кратчайшие пути для реализации образов и обобщений. В ткань повествования вплетено чрезвычайно много побочных легенд и воспоминаний. Герои поэмы подчас лишь рассказывают эти легенды, а не действуют. Автор излишне увлекается внутренней рифмовкой, которая часто превращается в штукарство и заслоняет содержание поэмы.

Кроме произведений, опубликованных в журналах, вышли многие сборники стихов, написанных поэтами до 1947 года.

Тема эпического произведения народного поэта Якуба Коласа «Рыбакова хата»—воссоединение белорусского народа в едином государстве. Убедительно показана в поэме тяжелая доля трудящихся в Западной Белоруссии под гнетом польских панов. Запоминается бобыль-рыбак Симон Латушка, выписанный скупыми, но чрезвычайно теплыми красками, образы Марины и ее мужа Данилы. Простой сюжет поэмы, яркий и сочный язык создают незабываемое впечатление. Подлинной эпической силой веет от эпизода встречи Марины с ее родным братом — советским танкистом, который пришел вместе с Красной Армией, чтобы освободить сестру и других таких же, как она, от жестокого социального и национального гнета.

Якуб Колас создал в поэме образ крестьянина-революционера Данилы Смыка, который под влиянием коммунистических идей становится на путь активной борьбы с польскими панами.

Поэт подчеркивает глубокую связь коммунистов с народом. В чем сила и опора коммунистов? — спрашивает он и отвечает:

Однажды ветер у травинок
Спросил: — Что в стужу вас спасло?
Сказали тысячи былинок:
— Земли надежное тепло.
Мороз лютует над криницей:
— Тебя сковать не в силах я...
И говорит ему водица:
— Из-под земли течет струя.
Сказала буря старцу-дубу:
— Тебя сломить надежды нет...
— Я в землю врос,—ей дуб в ответ,—
С родной землей дружить мне любо*.

Сила коммунистов в тесной связи с народом, в народе их опора, — таков ответ Якуба Коласа. Коммунисты — это могучий дуб, который врос в землю, и его не сломит никакая буря.

Гражданскими мотивами, чувством борьбы за коммунизм проникнуты и книги белорусских поэтов: А. Зарицкого — «Орлиная криница», К. Киреенко — «После грозы», А. Велюгина — «Салют в Минске», А. Бочилы — «Пути», М. Гамолки — «Возвращение к счастью», А. Остапенки — «Испытание», П. Приходько — «Голос сердца», К. Титова — «Солдатские строки».

Активное участие в борьбе за освобождение народа из-под ярма капитализма считает главным назначением поэзии поэт Валентин Тавлай, еще неизвестный русскому читателю.

В 1929 году, когда польские власти впервые бросили Тавлая за революционную деятельность в тюрьму, ему было 15 лет. Тавлай ответил судьям на их приговор гневными стихами, которые можно считать началом его революционной и одновременно литературной деятельности:

И перед вами на сукне зеленом
Закон, подписанный еще царем.
Вы судите низвергнутым законом:
Его давно разбил народный гром.

Стихи Тавлая звучат, как огненная летопись борьбы, в них раскрывается духовный облик и самого поэта. Он умел многое по-своему увидеть. Сколько, например, стихов было написано в белорусской поэзии о бедной селянской хате! Что, казалось бы, можно было сказать про нее нового даже в Западной Белоруссии, изнывавшей под гнетом польских панов? Но Тавлай нашел:

Версты за верстами стелются гладко.
Рощи, поля, ухабы...
И при дороге возникла хатка,
Стыдно глядеть, —
вся на бок.
Встала, стреху на глаза нахлобучив,
Как во хмелю, бедняга...
Кто напоил тебя влагой жгучей,
Горькой житейской брагой?
Видно, он черпал огромным кубком
Горе в бездонной кринице...
Не поддавайся, моя голубка,
Рано тебе валиться.
Шире раскрой нам об'ятья-двери,
Милых сынов встречая.
Пей из сердец из сыновних веру,
Сгорбленная,
родная.
Сломят сыны и панов, и горе,
Выйдут на бой рядами,
Чтоб поднимались хатенки в гору
Светлицами,
городами.*

Такой поворот традиционному образу мог придать только поэт, который сам подпольщиком-революционером обошел много таких накренившихся хат.

В 1947 году — в год смерти поэта — вышел сборник его избранных произведений. Особенное внимание привлекает в сборнике небольшая поэма «Товарищ». В ней повествуется о короткой жизни и преждевременной смерти одного из революционеров. Его заточили в тюрьму в те дни, когда в Испании шла кровавая борьба с фашизмом. Сердце узника рвется на свободу — туда, откуда долетает «свежее дыхание испанских ветров». В герое живет неукротимая воля к борьбе, и сама смерть не может сломить эту волю. Эту поэму я считаю одним из лучших произведений, появившихся у нас в прошлом году. Валентин Тавлай остро ощущал неразрывную связь своего творчества с коммунизмом. И потому стихи Тавлая живут, им, как писал он сам, долгие годы «шуметь на красных знаменах», подымать людские сердца.

Стихи Тавлая подтверждают слова товарища Молотова: «Нельзя считать случайностью, что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом».

Еще одна книга, вышедшая в прошлом году, на мой взгляд, чрезвычайно интересна. Это сборник стихов Миколы Засима «От чистого сердца». В литературных кругах еще бытует не совсем правильный взгляд на этого поэта. Говорят, что он поэт-самоучка, произведения его примитивны по форме и ценны лишь постольку, поскольку написаны крестьянским парнем, почти неграмотным. Распространено мнение, что Засим в значительной степени ограничил себя рамками деревенской жизни в Западной Белоруссии в пору владычества польских панов, что он не поднялся выше бытовых зарисовок.

Такие стихи есть у поэта, но их весьма мало, и не они характерны для Засима. Вот стихотворение «Разные дороги», в котором, на первый взгляд, автор лишь описывает жителей родной деревни, близких соседей:

В деревне жили два соседа.
Шли годы, трон дрожал не раз.
Жил первый долго, но бесследно,
Другой — безвременно угас.
Один—всю жизнь в тиши, в сторонке.
Другой—в борьбе, среди тревог,
Сидел в «Лукишках» он и «Вронках»
И слишком рано в землю лег.
Один скончался — схоронили,
Как деда, прадеда, с попом...
Зато другого не забыли
И будут век скорбеть о нем.*

Незачем доказывать, что в этом стихотворении с виду бытовой эпизод поднят до глубокого обобщения. Сам поэт, как и тот сосед, что не искал затишья, боролся за светлую долю крестьянской бедноты. Ему был знаком и панский кнут, и панская тюрьма—«Лукишки».

В годы Отечественной войны, будучи в партизанском отряде, поэт сложил новые песни.

Когда читаешь партизанские стихи Засима, как бы возвращаешься в горячую атмосферу памятных дней героической борьбы. И здесь поэт, рассказывая о, казалось бы, обычных явлениях, на самом деле обобщал те великие, эпохальные события, свидетелем и участником которых он был.

Все творчество Засима воспринимается, как вдохновенная песня простого человека, гордого тем, что в годину боя он «стал коммунистом». Стихами он, как оружием, разил врагов и поднимал на борьбу друзей. В этом их сила.

Сам поэт говорит:

Писать про волю—это мало,
Без дела слово—это грош,
Надо, чтоб рука держала
Перо, другая—острый нож.
Ножом коли фашиста-зверя,
Пером опиши его стон.
Такие поэты теперь нужны нам
Для наших грозных времен.

Эти прямые, грубоватые, правдивые строки дороги нашей поэзии, и стоят они на такой идейной высоте, которая и не снилась многим поэтическим эстетам и формалистам с их отшлифованными, хорошо зарифмованными строками.

Истоки белорусской поэзии лежат в оптимистическом народном творчестве. Поэтому лучшие ее образцы выделяются своей простотой, песенностью, мастерством, доступными широким народным массам.

Подлинной поэзии чужды всевозможные формалистические ухищрения и изощрения, осужденные нашей партией и народом. Вот как об этом говорит молодой поэт Алесь Бочила в стихотворении «Озеро».

Воды зеркальное стекло
Сияет в ясный день.
Над самым озером село
Качается в воде.
Пронзило солнце глубину.
И вот, влекомый дном,
Стрехою желтою ко дну
Нырнул за домом дом.
Навстречу дну из труб дымки,
Чуть видные, текли.
И люди, смыслу вопреки,
Ногами кверху шли.
. . . .
Казалось, желтоватый сом
В зеркальной той воде
Сквозь ветви движется, сквозь дом
И даже сквозь людей.
Дробился в мелких водах сад,
От холода продрог...
В поэзии такой разлад
Я б вынести не мог.
Над этим озером всегда
Я говорю, друзья,
Что мир бездумно, как вода,
Нам отражать нельзя.*

Формалистическое направление в поэзии — это такое же неверное отражение, какое получается в озере. За звучными рифмами, за разными фокусами и выкрутасами формалистов читатель не видит правды жизни. Такое направление в поэзии получало у нас в последние годы решительный отпор. Но это не значит, что постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели не касается белорусской поэзии.

Разве все благополучно в нашей поэзии? Разве еще не остались в ней отдельные влияния формализма? По-моему, три основных недостатка мешают развитию белорусской поэзии: остатки формализма, стилизаторство под народное творчество, литературщина. Рецидивы формалистических влияний проявляются в погоне отдельных поэтов за вычурными, усложненными образами и так называемыми внутренними рифмами, которые только мешают читателю следить за мыслью произведения. Наши поэты, говоря о современности, иногда используют искусственные, не характерные для сегодняшней жизни, стилизованные под народное творчество приемы.

Стилизаторство—результат слабой связи с жизнью, с народом. Поэт, активно участвующий в нашей действительности, найдет живые, а не мертвые, устаревшие средства, чтобы передать чувства реальной, а не выдуманной жизни.

Слабым знанием жизни об'ясняется и другой недостаток нашей поэзии — литературщина. Живые, свежие образы, возникающие как результат непосредственного наблюдения, подменяются образами и темами, которые давно бытуют в литературе. К таким стихам можно отнести «Криницу» А. Велюгина, целиком построенную на трафаретных, набивших оскомину словах и сравнениях, «Василек» Максима Лужанина. О васильках было написано немало стихов. Еще Максим Богданович некогда утверждал, что хоть васильки и мешают подниматься колосьям, все же они должны расти вместе с житом, ибо они символизируют красоту искусства. Без искусства, без васильков, — утверждал Богданович, — не нужны и сами колосья. Такая мысль — не что иное, как идеалистический взгляд на искусство. Советский поэт Лужанин, к сожалению, не поднялся выше утверждения Богдановича. Вот как он написал о васильках:

Я знаю: сорная трава
Мой василек, я разумею —
Тебя из жита вырвал я,
Из сердца вырвать не умею.

Отдельные поэты в поисках «национального» колорита охотно уснащают стихи васильками, росами, криницами и т. п. Они пытаются этими старыми средствами передать содержание новой социалистической жизни, новых понятий и, конечно, терпят неудачу.

Наша Родина — это не только криницы и росы, но и фабрики, заводы, колхозы, социалистическая техника, это эпопея Великой Отечественной войны и мощное партизанское движение, в котором белорусский народ проявил подлинный советский патриотизм, это морально-политическое единство народа, его преданность идеям партии Ленина—Сталина. Темы сегодняшней Белоруссии — тема советского патриотизма, сталинской дружбы народов, тема героического созидательного труда.

Белорусская советская поэзия смело берется за решение этих почетных тем. Лучшие произведения белорусских поэтов проникнуты советским патриотизмом, преданностью коммунистическим идеям, партии большевиков, любовью к гениальному вождю советских народов товарищу Сталину.

Перед нашими поэтами стоит задача и в дальнейшем настойчиво преодолевать пережитки формализма и литературщины и новыми, истинно художественными средствами воплощать в поэзии нашу прекрасную действительность. Только на таком пути поэтов ждут настоящие творческие удачи.

* Стихи, отмеченные звездочкой, перевел Я. Хелемский.

И. КИЗЯЕВ

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Заметки о литературном Донбассе

Тема возрождения Донбасса все более привлекает к себе внимание писателей.

Талантливые очерки Бориса Галина, рисующие жизнь и героический труд шахтеров и металлургов, тепло встречены советским читателем. Драматург А. Корнейчук написал пьесу о шахтерах «Простые люди». Писатель И. Гонимов издает роман «Шахтарчук».

Чтобы глубже и всестороннее узнать жизнь рабочих, многие писатели поселились в шахтерских городах и поселках, тесно связав свою судьбу с горняками. Именно так поступили харьковчане И. Гонимов, П. Байдебуро, Н. Ледянко.

Во главе литературного движения в Донбассе стоят старые донецкие поэты и прозаики П. Беспощадный, Ю. Черный, Н. Упеник, П. Северов, П. Чебалин. Они оказывают значительную помощь литературным кружкам Горловки, Макеевки, Кадиевки, Красного Луча, Орджоникидзе, Мариуполя и Ворошиловграда. Из этих кружков пополняются кадры литераторов.

Инженер мартеновского цеха В. Попов во второй книжке альманаха «Литературный Донбасс» выступил с повестью «Сталь и шлак», в которой показан самоотверженный труд рабочих металлургического завода в годы Отечественной войны. Сталевары Донбасса начали тогда варить сталь сложнейшего состава для фронта, который с каждым днем приближался к заводу. Это были трудные времена. Правдиво и ярко изображены они в произведении В. Попова. Повесть «Сталь и шлак» вызвала у донбассовцев большой интерес.

Подпольной работе советских людей в тылу у фашистов посвящена повесть работника обкома партии Л. Черкашиной «В нашем городе». В ней рассказывается о молодых и бесстрашных героях, которые, подобно славным краснодонцам, под руководством партии действовали в тылу врага.

Сотрудник Краснолучской городской газеты В. Горяинов издал книгу стихов «Утро шахтера». Корреспондент газеты «Правда» по Сталинской области А. Ионов напечатал «Донецкие рассказы». Широко известны в Донбассе произведения преподавателя Донецкого индустриального института Б. Радевича, литературного сотрудника макеевской заводской газеты «Кировец» М. Фролова, учителя средней школы С. Бугоркова. Журналисты Д. Акульшин, А. Ермаль, М. Югилевич и А. Наугольный издали книги очерков.

Донецкие писатели стремятся дать отклик на все важные события в жизни родного Донбасса. Врубмашинист Герасим Запорожец добился выдающихся успехов — писатели рассказали об этом в своих очерках. Проходчик Николай Лукичев разработал и осуществил метод скоростной проходки штреков, — о нем появились в печати очерки и рассказы. Литераторы Донбасса рассказали широким массам о новаторах производства — сталеваре М. Кучерине, прокатчике П. Селезневе, водителе локомотива Г. Шумилове.

То, что литераторы Донбасса живо откликаются на все явления современности, — хорошо. Жаль, что многие произведения отмечены следами поспешности, неглубокого, схематического изображения жизни. Выросший и требовательный читатель социалистического Донбасса справедливо обращает внимание на эти недостатки.

Нам довелось побывать на квартире у стахановца шахты № 30 Юрия Матвеевича Орлова. В углу небольшой комнаты мы увидели этажерку с книгами.

— Моя библиотека, — сказал Юрий Матвеевич.

Он достал книгу И. Гонимова «На берегу Кальмиуса».

— Хорошая книжка, — похвалил забойщик. — Писатель просто и ясно рассказывает о том, как возник Сталинский металлургический завод и окружающие его шахты.

— Кто вам нравится из местных поэтов? — поинтересовались мы.

— Больше всего Павел Беспощадный. Хорошие у него стихи — простые, ясные. Вот его стихотворение «Беседа».

Орлов начал читать:

Забойщика доля завидна,
Коль труд его честен и свят.
Ладонью шершавой не стыдно
Ласкать шаловливых внучат.
Пусть учат глазастые дети
По знакам рубцов и отметин
На дедовской доброй руке, —
Что в славное время на свете
Работал их дед в руднике.

— Это про нас, — закончив чтение, сказал забойщик.

— А вы знакомы с Беспощадным?

— Еще бы! — ответил он, — Павел прежде коногонил.

— Кого еще знаете?

— Василия Горяинова, — сказал Орлов, — этот еще молодой. Стихи пишет гладкие, а мастерства не чувствуется.

Долго мы беседовали с Юрием Матвеевичем. Он говорил о жизни, о вдохновенном труде горняков, о том, как литература отражает современную действительность и помогает советским людям творить новое.

Да, такой читатель умеет ценить труд писателя. Но он и суровый судья его произведений. Плохую книгу он не будет держать на полке. Ему нужно много хороших книг. А книг в Донбассе нехватает.

Немцы уничтожили здесь все библиотеки и читальные залы, и, несмотря на то, что сейчас Сталинское областное издательство выпускает довольно большое количество книг, нужда в книгах исключительно велика. Московские издательства не помогают Донбассу. Машины с маркой ленинградских и московских заводов — обычное явление в Донбассе, а вот книг столичных издательств здесь очень мало.

Сердца горестные заметы специально для „Литгазеты"

Новатор

Есть у меня знакомый музыкант.
Все говорят, что у него талант.
Он сочинил симфонию-поэму,
Назвав ее «Друзья, прошу к столу!»,
Где разрешил лирическую тему
По-новому — железом по стеклу.

Убивец

Он манку ест и пьет боржом
И взор имеет голубиный.
В статьях орудует ножом,
в рецензиях дубиной.

Теоретик тонких этик

Он тихий теоретик, так сказать.
Но он творит, все более хамея:
Всего Тургенева он может променять
На заграничный чих Хемингуэя.
Он ходит с гордым видом гусака,
Надутый затхлым духом фанфаронства.
На всех вокруг он смотрит свысока,
Вытягиваясь вдруг из пиджака,
Чтоб вновь надеть хомут низкопоклонства.

Совет доценту И. Нечаеву,

автору путаной статьи «Пушкин в оценке Мериме»

(См. «Литературную газету» № 20).

Не смысля в Пушкине ни бе ни ме,
Не сваливай вину на Мериме.

Сергей ВАСИЛЬЕВ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Трагедия в энциклопедии

В 54-м томе Большой советской энциклопедии, вышедшем в 1946 году, помещена статья В. Блюменфельда «Трагедия». Вот что пишет автор о Пушкине:

«Глубокая оригинальность Пушкина сказалась в его гениальных «маленьких трагедиях», органически включивших в русскую национальную литературу космополитические идеи и образы мировой трагедии».

Неужели же редакторам энциклопедии не известно, что со времен Белинского на языке русских передовых людей космополитизм означал и означает барское пренебрежение к родной демократической культуре? Неужели же не ясно, что «маленькие трагедии» выражают не какие-то «космополитические идеи», а содержат характерное именно для русской передовой литературы решение ряда важнейших исторических социальных и моральных проблем?

В. Блюменфельд сводит всю оригинальность «маленьких трагедий» к космополитизму, который начисто отвергает понятие национального своеобразия и социальной обусловленности искусства. Ограничившись словами о «шекспировском фоне», «строгом классическом единстве» и т. д., В. Блюменфельд не раскрывает глубокой новизны и неповторимого своеобразия пушкинских «маленьких трагедий».

Вообще, русской трагедии явно не повезло в БСЭ. Правда, В. Блюменфельд отмечает «наличие трагических элементов во «Власти тьмы», в «Живом трупе» Л. Толстого, но вовсе обходит молчанием такой шедевр русского трагического искусства, как «Гроза» А. Н. Островского. А об особенностях русской трагедии, о ее мировом значении автор и вовсе не задумался.

Н. БУРОВ.

М. МИХАЙЛОВ

Историческая веха

К 50-летию I с'езда РСДРП

Первый с'езд Российской социал-демократической рабочей партии, полвека со времени которого мы отмечаем сегодня, был знаменательным событием в истории революционной борьбы рабочего класса России, важной вехой на пути создания великой партии большевиков.

Идеи научного социализма впервые стали проникать в Россию в 80-х годах прошлого столетия благодаря деятельности группы «Освобождение труда». Россия не знала еще тогда социал-демократического движения. «Группа «Освобождение Труда»,—писал Ленин,—лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению».

Когда молодой Ленин в начале 90-х годов приехал в Петербург — политический центр тогдашней России, — страна была накануне под'ема массового рабочего движения. Ленин сразу уловил, что созрели условия для следующего крупного шага вперед — слияния социализма с рабочим движением. Он понял, что встала задача об'единить разрозненные марксистские кружки в спаянную единством цели и средств борьбы, вооруженную марксистской программой организацию и сделать ее политическим руководителем рабочего класса. Но на пути к созданию такой организации стояли враги марксизма — народники и «легальные марксисты». На долю Ленина выпала историческая задача их идейного разгрома.

В ряде блестящих статей и выступлений, в своей знаменитой книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин разоблачил вредность и реакционность мелкобуржуазного народничества и показал, что действительные друзья народа—марксисты.

Эта книга—подлинный манифест нарождавшейся революционной марксистской партии в России.

Зачатком такой революционной партии нового типа, соединившей социализм с рабочим движением, был созданный Лениным в 1895 году петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Ленин не удовлетворялся деятельностью «Союза борьбы» в пределах Петербурга. Он считал, что «Союз» должен стать основой для создания партии. Лично Ленин и, по его поручению, члены «Союза борьбы» установили связи с социал-демократическими группами Москвы, Вильно, Нижнего-Новгорода и других городов. Расширению и укреплению этих связей должна была служить газета. Первый номер такой общерусской политической газеты, названной «Рабочее дело», был подготовлен Лениным к изданию. Но ей не пришлось увидеть свет. Арест Ленина и других деятелей «Союза борьбы» сорвал выполнение ленинского плана, но не приостановил деятельности «Союза». Ленин и в тюрьме продолжал руководить им.

В петербургской же тюрьме Ленин разработал первые наброски программы социал-демократической партии (1895 г.), в которых сформулировал ближайшие задачи и конечные цели партии.

Ко второй половине 90-х годов под влиянием ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» возникли социал-демократические организации в Одессе, Харькове, Самаре, Воронеже, Екатеринославе, Ростове-на-Дону и других городах. Появились социал-демократические организации на западных национальных окраинах России — «Социал-демократия Польши и Литвы», «Всеобщий еврейский социал-демократический союз» — Бунд. В Закавказье товарищ Сталин вместе с Кецховели и Цулукидзе создают в 1898 году внутри первой грузинской социал-демократической организации «Месаме-даси»—боевое марксистское ядро, ставшее зародышем революционной социал-демократии в Грузии.

Все эти социал-демократические организации нуждались в об'единении, в едином руководящем центре. Ленин, уже находясь в сибирской ссылке, пишет брошюру «Задачи русских социал-демократов», сыгравшую большую роль в создании партии. В ней Ленин снова указывает, что «создание прочной революционной организации среди фабрично-заводских, городских рабочих является... первой и насущной задачей социал-демократии».

В решении задачи создания единой социал-демократической рабочей партии огромную роль сыграл товарищ Сталин, возглавлявший революционное ядро грузинской социал-демократии.

После ареста Ленина и других деятелей руководство петербургским «Союзом борьбы» оказалось в руках «экономистов», выступавших против об'единения социал-демократических групп в единую партию. В этой сложной обстановке задачу практической подготовки созыва первого с'езда взял на себя киевский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Он имел прочные связи с рабочими, хороший конспиративный аппарат и издавал с 1897 года общерусскую «Рабочую Газету».

* * *

Первый с'езд Российской социал-демократической рабочей партии происходил в Минске 13 — 16 марта (н. с.) 1898 года. Заседания происходили тайно. Присутствовавшие на с'езде 9 делегатов—представители петербургского, московского, киевского, екатеринославского «Союзов борьбы» и Бунда—тщательно укрывались от преследований полиции. Не было ни протоколов, ни записей. Основным вопросом, обсуждавшимся на с'езде, был вопрос о создании партии. С'езд принял решение слить местные «Союзы борьбы» и Бунд в единую социал-демократическую организацию под названием «Российская социал-демократическая рабочая партия». С'езд избрал Центральный Комитет, признал официальным органом партии «Рабочую Газету» и поручил Центральному Комитету выпустить «Манифест».

Но вскоре после с'езда Центральный Комитет был арестован. Типография, в которой печаталась «Рабочая Газета», была разгромлена полицией, и первый номер центрального органа РСДРП так и не увидел света. «Манифест» же первого с'езда РСДРП, призывавший к об'единению сил русской социал-демократии и провозгласивший создание единой Российской социал-демократической рабочей партии, был обнародован. Однако на деле единой партии с'езду все же создать не удалось. Не было единой линии и организационной связи в работе местных марксистских организаций, не было ни программы, ни устава партии, не было руководства из единого центра.

«Несмотря на состоявшийся в 1898 году I с'езд Российской социал-демократической партии, об'явивший об образовании партии, партия все же не была создана»,—отмечает «Краткий курс истории ВКП(б)».

Тем не менее провозглашение создания партии имело большое значение в развитии революционного движения рабочего класса России. «В этом формальном акте, сыгравшем большую революционно-пропагандистскую роль, состояло значение I с'езда РСДРП», говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Провозгласив создание РСДРП, I с'езд вселил веру и бодрость в сердца социал-демократов, боровшихся против самодержавия.

После I с'езда в рабочем движении усилилось оппортунистическое течение «экономизма». Российская социал-демократия переживала тяжелый период идейного разброда и шатаний. Потребовалось несколько лет напряженной работы, чтобы подготовить действительное создание Российской социал-демократической рабочей партии. Это сделал Ленин с помощью организованной им в 1900 году марксистской газеты «Искра». Опираясь на теоретическое богатство ленинских работ и особенно книги «Что делать?», «Искра» развернула широкую кампанию за ленинский план построения партии.

На втором с'езде, состоявшемся в 1903 году, была принята программа партии и устав, созданы центральные руководящие органы. Но решающие, принципиальные разногласия разделили социал-демократов на большевиков и меньшевиков. В то время как большевики отстаивали организационные принципы революционного марксизма, меньшевики все больше скатывались в болото оппортунизма. Понадобилось почти десять лет неустанной и решительной борьбы, кропотливой организационной работы Ленина и Сталина, чтобы сплотить большевистские силы, создать боевую партию пролетариата России.

Никогда еще ни одна политическая группа не была так подготовлена к оформлению в партию, как большевики. Она была подготовлена организационно, политически, теоретически.

Пражская конференция 1912 года, на которой большевики, изгнав меньшевиков, окончательно оформились в самостоятельную политическую партию,—величайшая веха в создании марксистской партии нового типа, партии большевиков—«партии, равной которой не знает мир» (И. Сталин).

Под знаменем Ленина, возглавляемая великим Сталиным, партия большевиков выросла в могучую силу. Она уверенно ведет советский народ по пути коммунизма.

С. А. КОВПАК,

дважды Герой Советского Союза

Народ Италии победит!

Я присутствовал на с'езде национальной ассоциации итальянских партизан в качестве члена советской делегации. Там я познакомился с историей партизанского движения в Италии, встретился с представителями мощной армии Сопротивления. Я близко узнал этих итальянских патриотов, которые, освобождая свою страну, выбили гитлеровские войска из крупнейших городов Италии — Турина, Милана, Болоньи.

У меня еще свежи в памяти их мужественные, воодушевленные лица, их твердая уверенность в том, что недаром погибли 70 тысяч бойцов-патриотов.

Свободолюбивые гарибальдийцы боролись за лучшее будущее, за самостоятельную Италию, в которой никогда не будет ни «своих», ни чужеземных фашистов.

Мне довелось побывать и на приеме у нынешних правителей Италии. Я хорошо помню хвалебные слова премьер-министра де Гаспери и министра иностранных дел графа Сфорца по адресу партизан. Понятно, что это было лицемерием. Ведь совсем незадолго до того эти же самые люди пытались оклеветать итальянских партизан. Они даже хотели судить одного из народных героев Италии, командира партизанского отряда полковника Валерио. Национального героя обвиняли в том, что он казнил без формального суда Муссолини, приговор которому был подписан итальянским народом.

Было совершенно ясно, что де Гаспери, по велению своих заокеанских хозяев, не только старается зачеркнуть огромные заслуги лучших сыновей итальянского народа в борьбе за честь Италии, но готов и на еще более провокационные действия.

И в самом деле, не успел Трумэн заявить о заинтересованности Америки в развитии нынешнего «режима свободы» в Италии и пригрозить «особыми мерами» в случае прихода к власти подлинно демократических партий, как де Гаспери и Сфорца, Шельба и Сарагат решили принять серию «предупредительных мер». Они издали закон о запрете так называемых «полувоенных» организаций. Этот позорный закон направлен непосредственно против истинных борцов за независимость страны. Героическим партизанам грозят десятилетним тюремным заключением за одну только принадлежность к ассоциации, законность существования которой произвольно определяется полицией.

Однако закон о «полувоенных» организациях не распространяется на явно военные организации фашистского типа, как, например, «Итальянская армия свободы», возглавляемая небезызвестным воякой «маршалом» Мессе. По утверждению авторов закона и де Гаспери, это сборище преступников преследует, якобы, «истинно демократические цели».

Так, нынешнее итальянское правительство решило опереться на фашистов, поддерживаемых иностранными империалистами.

Как известно, 18 апреля в Италии будут происходить парламентские выборы. Чтобы лишить народ законной власти, де Гаспери и его хозяева уже повели наступление на партизан и на другие проявившие себя в боях организации. При этом люди, боящиеся собственного народа, идут на все. Де Гаспери во всеуслышание заявил: «Если надо итти в бой, лучше итти в бой теперь... На нас лежит ответственность за управление государством и в наших руках находится сила». В этих словах слышится вопль обреченного.

Совсем недавно министр внутренних дел Шельба цинично и грубо предупредил избирателей о том, что правительство готовится к выборам, как к войне. 200 новых броневиков и 150 тысяч отборных полицейских будут обеспечивать «свободу выборов». В Турине, Милане и пригородах Рима спешно подновляются американские броневики для «предвыборных действий полиции».

Римские лакеи Уолл-стрит хотят привести в цепях итальянский народ к урнам на выборы в первый республиканский парламент!

Но народ не боится угроз. Я воочию убедился в этом, побывав в городах и в сельских местностях Италии. В Риме я видел рабочий класс в дни всеобщей декабрьской забастовки 1947 года. То была могучая демонстрация трудящихся столицы, борющихся за свои политические и экономические права.

Заводы и учреждения столицы, в том числе правительственные организации, прекратили работу. Стоял транспорт, были закрыты магазины. «Хлеба и работы!» — требовали демонстранты. В их авангарде шли партизаны.

В те дни, как и теперь, де Гаспери пытался напугать народ полицейскими репрессиями. Полиция разгоняла бастующих, производила обыски и аресты. Однако не помогли де Гаспери даже войска, вызванные в помощь полиции из провинции. Итальянский «человек с ружьем» — солдат — не подчинился приказам командования. Солдаты братались с бастующими.

Всеобщая забастовка окончилась победой трудящихся. Правительство вынуждено было ассигновать 7,5 миллиона лир для помощи безработным, а также удовлетворить ряд других требований бастующих.

Об этом не следует забывать правительству де Гаспери!

Вместе с делегатами советских и югославских партизан я совершил десятидневную поездку по северным районам Италии. Около двух тысяч километров мы проехали на автомашинах. Мы побывали во многих местах. И всюду убеждались в том, что не только в Риме, но и во всей стране демократия готовится к мощному контрнаступлению.

Надолго запомнился мне митинг в городе Болонье. Свыше 30 тысяч горожан собрались на Пьяцца Маджоре, чтобы приветствовать представителей советского народа. Участники митинга в своих выступлениях требовали создания подлинно народного правительства.

В крупнейших промышленных центрах—Турине, Генуе, Милане и Ливорно—во время встреч с рабочими и интеллигенцией мы видели, какой боевой дух царит в народе, каким огромным авторитетом и популярностью пользуется итальянская коммунистическая партия.

В Сиенне мы побывали на конгрессе испольщиков — крестьян-бедняков, арендующих у помещиков землю на кабальных условиях. Здесь впервые собрались люди земли, чтобы выработать план борьбы за свои права. Своими выступлениями участники конгресса показали, что крестьяне-бедняки понимают, какая сила заложена в их организации.

Поездки по деревням, встречи и беседы с крестьянами показали нам, что рабочий класс Италии имеет верного союзника в лице крестьян-бедняков.

Надо сказать, что этого единства пуще огня боятся правящие классы Италии. Боязнь собственного народа толкает их на позорный сговор с империалистами США в ущерб национальным интересам страны.

Любопытен в этом отношении вопрос, заданный мне на пресс-конференции одним из журналистов. Нас, советских людей, корреспонденты атаковали особенно энергично. И вот один из них стал рьяно допытываться: «Будет ли международная организация партизан решать вопрос о ношении оружия?» Видимо, те, кто стоят за спиной этого корреспондента, больше всего боятся вооруженного народа!

Я раз'яснил этому дотошному малому, что, по моему мнению, задачами международной организации, если она возникнет, будут: помощь партизанам, пострадавшим в борьбе с фашизмом; уничтожение остатков фашизма. «А вопрос о ношении оружия, — сказал я,—должен решаться в каждой стране по-своему, в зависимости от обстановки. Думаю, что если бы греческим партизанам предложили бросить оружие, они его все равно не бросили бы...»

Перед от'ездом из Италии все делегации партизан были приняты председателем итальянского Учредительного собрания Террачини. Он, между прочим, сказал: «Следующий конгресс итальянских партизан соберется в свободном Риме». Террачини выразил думы и чаяния всех демократических сил страны.

Народ Италии уверен в этом. И он победит!

Владимир СОЛОВЬЕВ

Тайны мадридского двора

Генерал Клей, главнокомандующий американскими войсками в Германии, посетил Мадрид и вел переговоры с Франко.

Солнце встало спозаранку
У Тиргартенских аллей.
Из Берлина к дону Франко
Едет в гости мистер Клей.
Ждут его в парадном виде
Два гидальго у колонн...
Освещен дворец в Мадриде...
— Здрасьте, мистер!
— Здрасьте, дон!
По началу для приличья —
Встречи...
Речи...
...и парад...
— Как, мол, ехали?
— Отлично!
— Как доехали?
— Олл райт!
— Как, мол, выглядит Европа?
— Опустевшие поля...
— Нет в Европе — Риббентропа...
Нехватает Лаваля!..
— Ах, не троньте старых истин
И ушедших в быль имен...
Эхе-хех!.. закончил мистер.
— Охо-хох!.. ответил дон.
И добавил вновь вздыхая:
— Нынче каетесь, небось?
А ведь ось была какая?
Замечательная ось!
Покаталась, да сломалась,
Как доехала до пня...
И осталась только малость
От Франкфурта — до меня!
Сигаретку мистер скомкал,
Нервно бросил в уголок.
— А, быть может, из обломков
Нам удастся склеить блок?
Дон ответил:
— К сожаленью,
Дело сложное, друзья.
Тут без долларов и Клея
Обойтись никак нельзя!
Тут, конечно, мистер дону
Выдал в долларах аванс:
— Ну, а Клей (с полупоклоном
Клей сказал) уже у вас!
И с улыбкою друг другу —
Непонятно почему —
Очень долго жали руку
Мистер — дону...
Дон — ему...
И довольны чрезвычайно
Попрощались до утра...
. . . .
. . . .
Вот какие нынче «тайны»
У «мадридского двора»!

Факты без комментариев

ИХ «НАУКА»

Французская газета «Фигаро» поместила на первой странице большую статью, полную ошеломляющих открытий в области астрономии.

— Коперник ошибся, — уверяет немецкий астроном Герц, — земля вертится не с запада на восток, но как раз в обратном направлении.

— Ничего подобного, — отвечает ему аргентинец Новарро,—солнце, которое мы видим, — простая иллюзия, настоящее же находится внутри земли, в районе Южного полюса.

Что касается итальянского астронома Панерони, то он только пожимает плечами по поводу высказываний его двух коллег и продолжает спокойно утверждать, что «земля абсолютно плоская и неподвижная».

ДЖАЗ В ЦЕРКВИ

Недавно в одной из церквей города Бери (Англия) появилось необычно много прихожан. Оказалось, что обычная проповедь была на этот раз заменена 45-минутным выступлением джаз-оркестра. Как сообщает газета «Йоркшир пост», священник А. Уэйзи раз'яснил: «Это—не трюк! Людей нужно привлекать в храм божий, а проповедник не может рассчитывать на то, чтобы на его проповедь в церкви собралось так много народу».

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

Как сообщает афинская газета «Элефтерия», греческая полиция произвела по приказу верховного прокурора из'ятия во всех типографиях, издательствах и книжных магазинах Афин. В число из'ятых произведений, отнесенных к разряду «коммунистической литературы», попали биографии Гете и Рембрандта, а также... псалмы Давида.

Тольятти заявил, что посол США в Италии Данн рассматривает Италию как остров в Папуасии, «где может высадиться колонизатор с запасом подмоченных товаров низшего качества для распределения их между туземными вождями, — вот цилиндр для де Гаспери, вот цилиндр для Сфорца, — а потом предписывать им, что они должны делать для своего нового хозяина».



Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Азбука гангстеров и бизнесменов

Б. КОМАРОВ

«Самая популярная из всех небеллетристических книг нашего времени. Раскуплено больше трех миллионов экземпляров», — эти строки напечатаны на красочной обложке книги Дейла Карнеги «Как приобрести друзей и влиять на людей», изданной в Америке.

Дейл Карнеги был лектором «Института красноречия и человеческих взаимоотношений». Однако, читая свои лекции, он менее всего стремился к тому, чтобы слушатели его завоевали себе лавры современных Цицеронов или Демосфенов. Идя навстречу аудитории, он придавал своей «науке красноречия» весьма деловой, практический характер. Не случайно об'явление о его лекциях так и начиналось словами: «Если вы хотите увеличить свой доход...»

По твердому убеждению Карнеги, американцы стремятся обладать только такими знаниями, какие могут быть ими сразу же реализованы на практике. — Людей надо учить тому, как делать бизнес, «выгодно продавать идею», — подчеркивает Карнеги.

Одним из источников личного дохода мистер Карнеги считает «умение обращаться с людьми». Автор ссылается в данном случае на столь непререкаемый авторитет, как Рокфеллер-младший: «Умение обращаться с людьми—такой же товар, как сахар или кофе». Таким образом, курс лекций Дейла Карнеги — это своего рода учебник по технике обращения с людьми, специально предназначенный для бизнесменов.

Насквозь реакционная в своем ханжестве и предельно циничная книга начинается сенсационным рассказом о том, как поймали в Нью-Йорке известного бандита по кличке «Краули с двумя ружьями». Такое начало является не одной лишь данью изуверской традиции американской детективной литературы! Автор не слишком заинтересован в том, чтобы только отдавать дань «традициям». Он ссылается на «известных» гангстеров потому, что находит в их высказываниях немало ценного для подкрепления собственной точки зрения. После кровавой и ожесточенной схватки с полицией арестованный «Краули с двумя ружьями» заявил: «Под этим костюмом бьется усталое, но доброе сердце, которое никому не сделало зла». Другой еще более знаменитый гангстер Аль-Капоне, содержатель фешенебельных публичных домов и оптовый торговец виски, считал, что он «потратил всю свою жизнь на то, чтобы доставлять людям высшее удовольствие, давать им возможность хорошо проводить время».

Сославшись на столь высокие моральные авторитеты, Карнеги делает следующий вывод: «Уж если эти люди не считают себя виновными, то как могут считать себя виновными другие? А посему вот первый и главный завет обращения с людьми — не обличайте».

Опасаясь все же, что одних только гангстерских заверений окажется в данном случае недостаточно, Карнеги мобилизует для подтверждения своего «тезиса» все — от немецкого дисциплинарного устава до самого господа бога, а между ними без всяких стеснений ставит имя Линкольна.

Этот «тезис» Карнеги — «не обличайте!» — продиктован весьма конкретными политическими побуждениями. А это и требуется идеологам американского экспансионизма, поджигателям новой мировой войны, по заданию которых, в конечном счете, и читает свои «проповеди» мистер Карнеги.

Если первая часть его книги носит «теоретический» характер, то остальные пять частей, что называется, «берут быка за рога». Чего стоят, например, одни только названия глав: «6 способов заставить полюбить себя» и «12 способов приобрести себе единомышленников».

И все эти 18 способов, по сути дела, сводятся к одному — неограниченному пользованию лицемерной демагогией.

— Лицемерьте во всем, — с деловой откровенностью рекомендует автор, — в слове, в жесте, в усмешке. Однако, — предусмотрительно и даже опасливо добавляет он, — постарайтесь это делать по возможности искренне.

Из всех приемов имитации искренности автор считает наиболее действенным улыбку. Именно ту самую незлобивую, белозубую, очаровательную улыбку, которую так часто выдают за доказательство стопроцентного американского оптимизма.

Рассуждение о пользе улыбки столь показательно, что его стоит привести полностью. «Если хотите, чтобы люди любили вас, — улыбайтесь», — настоятельно рекомендует Карнеги. Впрочем, он готов доказать пользу улыбки все в том же практическом аспекте.

Во-первых, улыбка не стоит ничего, но дает много; во-вторых, она обогащает тех, кто получает, и не обедняет тех, кто дает; в-третьих, никто не настолько богат, чтобы обойтись без улыбки; в-четвертых, улыбка создает счастье дома, мир на работе и завоевывает друзей; в-пятых, она является самым хорошим средством против трудностей; в-шестых, ее нельзя купить, взять взаймы, выпросить, украсть.

Неплохой иллюстрацией к этим приторно-ханжеским рассуждениям об улыбке могли бы послужить помещаемые в распространенных американских журналах десятки фотографий неизменно улыбающегося небольшого человека в очках, снятого на фоне Белого дома, на рыбной ловле, на заседаниях правительства, на палубе линкора. С одинаковой улыбкой этот человек подписывает драконовские законы, предлагает изголодавшейся Европе фарфоровые зубы, посылает войска в Китай и флот в Италию, наотрез отказывается возвратить золото, принадлежащее Югославской республике.

Такая улыбка, может быть, деловому американцу и ничего не стоит, но обходится она народам очень дорого. Да и можно ли всерьез принять эту гримасу за человеческую улыбку?

Всю продуманную им «систему взглядов» мистер Карнеги излагает не столько с железной убежденностью, сколько с предельной самоуверенностью. Но вот перед воспаленным умственным взором оратора неожиданно возникает вопрос: как надежнее всего втемяшить все то, о чем он говорит, в головы тех, кому сие усвоить надлежит? Этому вопросу посвящена особая глава, в которой речь идет о «воспитании человека». Эта глава выразительно озаглавлена «Считайте собаку хорошей». Пусть вас это не удивляет. Ибо мистер Карнеги подчеркивает, что некоторые из его выводов сделаны на основе наблюдений над шимпанзе, телятами и детьми.

«...Считайте собаку плохой, и вы с успехом можете ее повесить. Но считайте ее хорошей, и вы увидите, как она изменится», — заверяет Карнеги. Ссылаясь далее на дрессировщика, который награждал собаку куском мяса сразу же после выполнения его приказания, Карнеги с неподдельным удивлением спрашивает: «Почему же здравый смысл, проявляемый при обучении собак, не следует применять для дрессировки людей?»

Отнюдь не боясь всей чудовищности такой аналогии, автор дает предпринимателям ряд практических советов о том, как заставить рабочих повысить производительность труда с помощью «куска мяса». Впрочем, в отличие от эпизода с собакой, речь идет лишь о «символическом мясе», то-есть о заманчивых обещаниях, остающихся невыполненными. Ибо Карнеги убежден, что «духовный порыв», порождаемый, по его мнению, в рабочих «умелой дрессировкой», не следует ни в коем разе «оскорблять повышенной оплатой труда». Можно не сомневаться, что инициаторы проведения закона Тафта—Хартли не преминут воспользоваться этими советами «дрессировщика».

Одна из центральных идей «трактата» Карнеги определена так: «Цирюльник сначала мылит, а потом бреет».

«Цирюльники» американской реакции усердно следуют этому правилу. Именно по этой причине они, собственно, и выпускают миллионными тиражами книги, подобные «моральному катехизису» Уолл-стрит, состряпанному Карнеги. И, ободряемый своими хозяевами, автор этой изуверской и, по сути дела, фашистской книги осмеливается призывать: «Читайте каждую главу дважды. Подчеркивайте самые главные идеи, просматривайте книгу ежедневно. Считайте ее рабочей, настольной, ибо она должна помогать вам ежедневно».

Таков «заключительный аккорд» книги этого «улыбающегося гангстера», с предельной ясностью выразивший все содержание морального кодекса цивилизованных дикарей современной Америки.

„How to win friends and influence people", by Dale Carnegie. Pocket books. Inc. New-York. 1947, pp. 238.

Роман о трагических днях Франции

В. НИКОЛАЕВ

Вслед за романом «Кладезь чудес» (недавно вышедшим на русском языке) Андре Шамсон написал новый роман «Le dernier village» («Последняя деревня»). Злободневный по теме, роман этот относится к числу значительных произведений французской демократической послевоенной литературы.

В «Последней деревне» дана реалистическая картина трагических для Франции дней 1940 года, показано начало того национального бедствия, которое пришлось претерпеть затем героям романа «Кладезь чудес».

Разгром Франции, военная катастрофа встает перед читателем, как небывалый в истории страны факт чудовищного предательства. Французская армия дезорганизована и брошена на произвол судьбы. Два офицера, Рабо и Жирар, останавливают бегущих по дороге солдат. Наскоро сколоченный отряд хочет защищать деревню; это была их родная земля, и ради ее спасения французские патриоты готовы были жертвовать жизнью. В дни всеобщей паники солдаты пытались сопротивляться, защищали отдельные деревни. Но Франция в целом была продана.

«Нужно драться, еще можно держаться на линии Гаронны, можно попытаться контратаковать»,—кричит капитан Жирар полковнику, отдающему приказ прекратить сопротивление.

«Наш долг — драться», — поддерживает капитана лейтенант Рабо.

«Вы забываетесь, господа, — это приказ, который я вам передаю. Маршал Петэн заботится теперь о судьбах родины...»

Волею французских капиталистов страна поставлена на колени перед завоевателями, — к этому выводу приходят солдаты и офицеры, изображенные Шамсоном.

Морис Торез не раз предупреждал французский народ об общественном бедствии, которое может поразить Францию; он указывал на врагов: они находились в самой стране. Еще в январе 1936 года, на восьмом с'езде коммунистической партии Франции, Торез говорил:

«Предатели Франции — среди 200 семейств, среди их сообщников и служителей, среди тех, кто жертвует интересами нации ради наживы и ради соглашения с эксплоататорами других стран».

Значительность, актуальность романа Шамсона и заключается прежде всего в том, что автор рисует две Франции.

«Человек в гражданском», фабрикант промышленного оборудования, возмущен «идиотизмом» сопротивления, он негодующе обрушивается на солдат, не желающих слушать о перемирии. Офицеры отбирают у солдат оружие; они боятся их больше, чем немцев. Сельские богатеи Мартины и морфинист-аптекарь Белэг — отбросы общества — ратуют за немедленное прекращение войны с немцами. Они горят желанием как можно скорее атаковать Россию, ненавистных им большевиков. Мартины и им подобные озабочены одним: как бы не потерять возможность наживаться и обогащаться, беспредельно обогащаться.

Но не эта продажная клика олицетворяет собой подлинную Францию.

Шамсон рисует образ храброго и решительного лейтенанта Давида. Немцы, окружив его, предложили сдаться, Давид продолжал стрелять. Слова «отступление» для него не существовало.

Лейтенант Рабо вместе с солдатами в казармах Лурсина поет «Интернационал». Еще до войны он, в рядах народного фронта, боролся за демократическую Францию.

«Между поражением солдат на фронте и реваншем класса господ Рабо увидел тайную связь. Об'яснение разгрома Франции он нашел в сговоре Гитлера и Мартина и тех военачальников, которые не хотели быть победителями. Не становилось ли ясным то, что оставалось непонятным в ужасающей путанице событий, в отчаянных голосах солдат, кричавших о предательстве, но бессильных назвать по именам предателей; не становилось ли все это ясным при виде той радости, которую испытывали сейчас Мартины и Белэги?..»

Шамсон в этом романе, как и в «Кладезе чудес», настойчиво ведет своих героев к осознанию подлой сущности предательской буржуазии.

Перед честными и прямыми героями «Последней деревни» раскрываются низкие, проституированные души буржуа, для которых нет родины, нет Франции, ее истории, ее традиций — есть только одно чувство безграничной алчности.

Срывание масок с французских «нудушек», торгующих своей страной и народом, — важная задача, которая стоит перед демократической французской литературой; в решении этой задачи одно из первых мест принадлежит Андре Шамсону.

В страстных разоблачительных монологах автор обнаруживает большое публицистическое дарование, силу и блеск. И однако, несмотря на резкую памфлетность, присущую романам Шамсона, в его последних произведениях Франция предстает в большой мере, как страна трагическая, обреченная, а не борющаяся. Герои произведений Шамсона, мучительно переживая падение Франции, начинают узнавать виновников величайшей национальной катастрофы, негодуют, но дальше этого внутреннего, так сказать, монологического негодования не идут. Не случайно чувство неуверенности, колебания, иногда даже отчаяния охватывает героев «Кладезя чудес» и «Последней деревни».

В свое время В. И. Ленин ставил в большую заслугу Анри Барбюсу то, что он в романах «В огне» и «Ясность» отразил важнейший процесс прозрения, происходивший в массах французского народа под воздействием первой империалистической войны.

Но со времени написания романа «В огне» прошло более тридцати лет. Во Франции, которая тогда не имела коммунистической партии, в настоящее время насчитывается свыше миллиона коммунистов. Все это люди, которые от «прозрения» давно перешли к борьбе. Французские коммунисты были в первых рядах народа, сражавшегося с немцами-захватчиками, они руководили его борьбой и были в ней самыми отважными и решительными.

В изображении великого социального прозрения, несомненно, велика заслуга и Шамсона. Но борющаяся Франция—и тогда, в годы порабощения, и сейчас, когда отечественная буржуазия отдает страну в кабалу Америке — это, прежде всего, французские коммунисты.

Ряд произведений, появившихся в последнее время, — мы имеем в виду книги Лаффита «Ceux, qui vivent» («Те, кто живут»), Жоржа Коньо «L'évasion» («Побег») и некоторые другие, — свидетельствуют о том, что образ коммуниста, борца за подлинные интересы народа, начинает занимать все большее место в демократической литературе Франции. Этот факт — чрезвычайно положительное явление, ибо утверждение силы французской демократии — одна из важнейших задач сегодняшней Франции.

К сожалению, в романах Шамсона нет образов коммунистов—людей, возглавляющих Сопротивление и всю последующую борьбу французского народа с реакцией, в то время, как именно они являются до конца последовательными и решительными борцами с ней.

Последние романы Шамсона свидетельствуют о его писательском росте: как художник, он становится одним из наиболее передовых писателей современной Франции. Его дальнейшее творчество будет еще более плодотворным, если от изображения прозревшего народа он перейдет к изображению героической борьбы, к утверждению победоносной силы народа.

André Chamson. «Le dernier village». Paris, Ed., „Mercure de France", pp. 253.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01168.